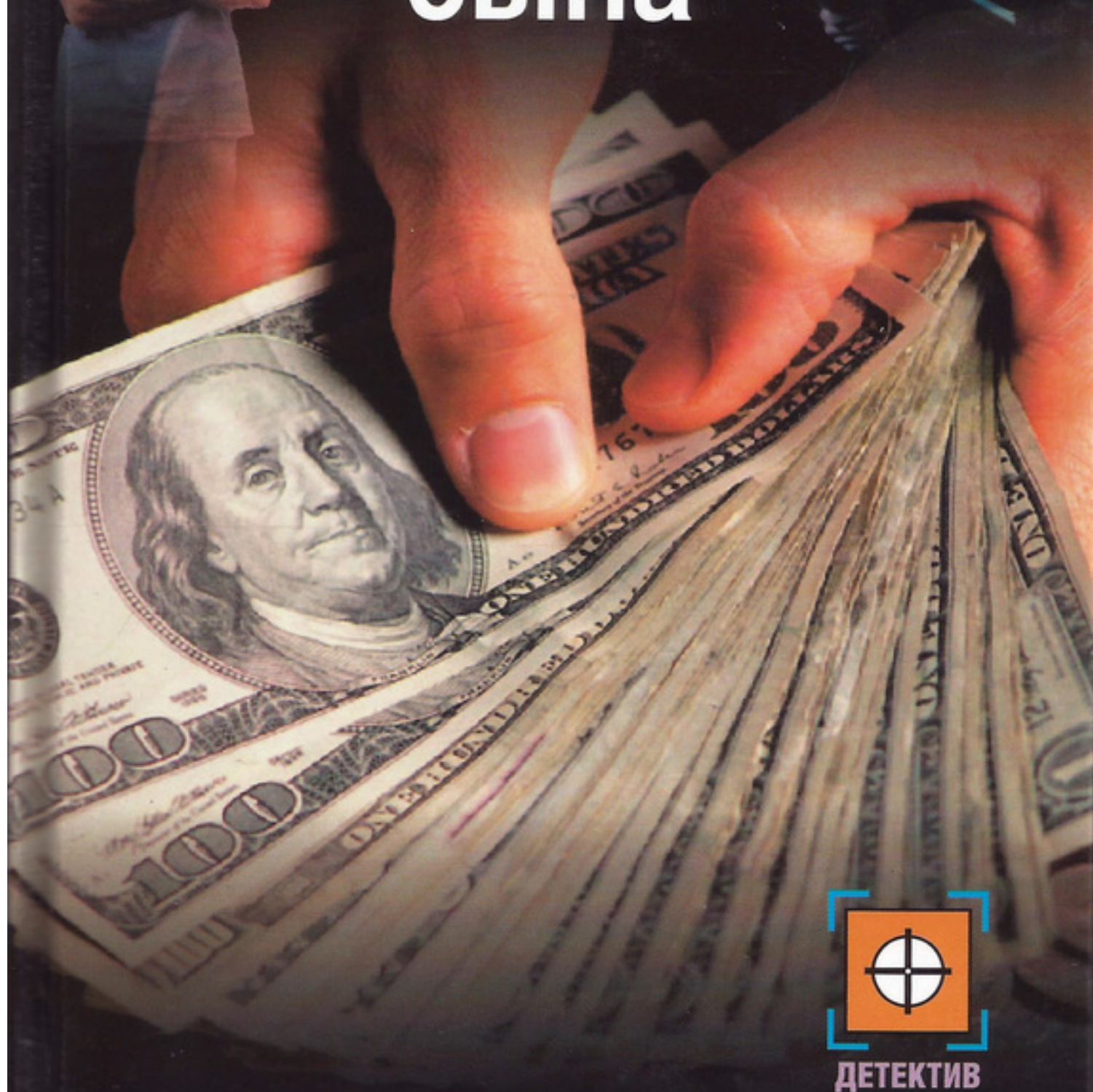
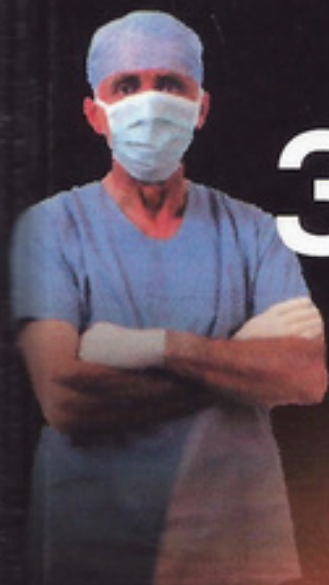

АНДРЕИ АНИСИМОВ

Близнецы

Завещание сына

ДЕТЕКТИВ

Близнецы

Андрей Анисимов

Завещание сына

«Автор»

2003

Анисимов А. Ю.

Завещание сына / А. Ю. Анисимов — «Автор»,
2003 — (Близнецы)

Почему явился к генералу-отставнику сын-бизнесмен – и попросил, в случае чего, позаботиться о его ребенке? Чего боится этот человек, не связанный ни с мафией, ни с политикой? Почему он считает себя смертником, для которого счет идет на минуты? И как связана эта странная история с загадочным убийством преуспевающего московского врача, вообще не имевшего врагов? Все – сложно. Очень сложно. И с каждой минутой становится все сложнее, все запутаннее. Новые улики не добавляют ясности в дело – а попросту добавляют загадок в расследование, которое откровенно не по зубам милиции. В расследование, которое способен провести только многоопытный частный детектив Ерожин...

© Анисимов А. Ю., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Анисимов

Близнецы 5. Завещание сына

Пролог

Первый раз гроыхнуло далеко, но в кухне все же колокольню зазвенели стекла.

– Ой, что же это делается, Васенька? – испугалась Галина Сергеевна.

– Наши идут. Генерал Грачев со своей ратью, – невесело пошутил супруг и потянулся за сигаретой. В последние недели он высасывал в день по две пачки «Примы»...

Страшное слово «война» перебралось в сознание из сопливого детства. У Василия Протопелина оно ассоциировалось с червяками товарных вагонов, из которых, пошатываясь, выходили люди в шинелях и стоптанных сапогах. В ватники с валенками их наряжали потом. Многие хромали или имели повязки. В Барнаул эвакуировали заводы из центральной России. Первые эшелоны Протопелин не помнил. Он был слишком мал. Запомнились товарняки сорок второго и сорок третьего. На них везли рабочую силу. Непригодные фронту, раненые, контуженные, искалеченные мужчины становились к станку, заменяя умерших или тех, кто возвращался на передовую. Еще та «детская» война запомнилась надрывным криком соседок, получавших очередную похоронку. Женщины вопили в голос, а мама опускала глаза. Она будто стыдилась того, что папа еще жив. Потом голосила мама, а Вася прижимался к ее ногам и дергал за юбку.

Помнил он и День Победы с распустившимся багульником, гармошкой и салютным баритоном диктора Левитана из черной тарелки радио, За победой, в красном галстуке, маршировало голодное послевоенное детство. За него пионерам полагалось благодарить товарища Сталина. Постепенно слово «война» переключалось на экраны кинотеатров и во двор. Мальчишки носились с палками, изображавшими автоматы, и никто не хотел быть немцем.

Мужчин после войны не хватало. Мама переехала в лесхоз и стала лесником. Это было самое счастливое воспоминание тех лет, хоть в школу и приходилось топать за семь километров. Но мама получала хорошую зарплату, и им полагался паек. Потом, Василию как раз исполнилось двенадцать, в лесхоз пришел новый начальник с высшим образованием, а маму сделали рабочей. К начальнику он сперва испытывал ревность и обиду за маму. Но постепенно чужой мужик заменил Василию отца. Мама жила с ним, как теперь говорят, в гражданском браке. Протопелин превратился в пасынка, но с начальником подружился. Тот понимал лес и научил таежной науке мальчика. Он и посоветовал ему поступать в лесной техникум. Василий переехал в городское общежитие, и детство кончилось.

С Галей студент познакомился на танцплощадке. Она лихо отплясывала фокстрот и целовалась взад. В девятнадцать они поженились. После техникума оба уехали в лес. Василий Валерьянович получил должность егеря в заповеднике неподалеку от областного центра. Место считалось лакомым, потому что областные и городские начальники наезжали в заповедник пьянствовать. Для тех, кто умел скрасить отдых местным царькам, перепалили сладкие крохи. Но молодой егерь к их числу не принадлежал. Там и крутануло в его судьбе. Но это относилось уже к взрослой жизни, и слово «война» успело забыться. Его заменило не менее страшное слово «тюрьма»...

Рядом на улице стреляли из автомата и орали по-чеченски. К выстрелам в городе за последнее время привыкли, даже женщины перестали вздрагивать. Выстрелы и ругань смолкли. В наступившей тишине завывали собаки. Затем опять гроыхнуло. Снаряд разорвался ближе, и окна зазвенели во всей квартире. С потолка посыпались куски штукатурки.

– Господи, Васенька, погибнем, родненький! Пойдем в подвал. Я боюсь, – запричитала Галина Сергеевна.

– Дождемся Настю и пойдем, – пообещал Василий. Окурок жег пальцы, он и не заметил, как сигарета сдymилась. Запалил следующую. В третий раз громыхнуло не так близко, но с потолка снова посыпалось и потух свет.

– Зачем ты отпустила девчонку? Знаешь, что чечены лютуют, и отпустила, – проворчал Протопелин, зажигая керосиновую лампу. Электричество при Дудаеве и без пальбы часто отключали, и лампу жильцы держали наготове.

– Она же в соседний дом, к Любаше. Как не пустить? Не может же взрослая девушка сутками сидеть в квартире, – оправдывалась жена.

Разрывы участились. Стало трудно понять, где падают снаряды, гремело со всех сторон. Протопелин ощутил дрожь в утробе. Дрожь поднималась от пола, ползла со стен.

Настя ворвалась в дверь вся в слезах.

– Чечены? – бросился ей навстречу Василий Валерьянович.

– Нет, папа. Чеченцы попрятались. Заряд в четырнадцатый дом ударил. Там Ленка Медведева с ребятами. У нее день рождения. Я на Петьку обиделась и не пошла. Понимаешь, дом упал, их всех завалило! И Петеньку... – Девушка не могла говорить, ее душили рыдания. Рвануло где-то совсем рядом. Стекла со звоном брызнули на пол. Лампа погасла. Василий Валерьянович вдохнул вкус пыли, в горле запершило.

– Живы? – спросил он. В темноте продолжала всхлипывать дочь. Жена молчала. – Галя, ты жива?! – Заорал он, пересиливая грохот.

– Жива, только присыпало чуток. Помоги подняться.

На лестничной площадке густо висела пыль. Они осторожно спустились вниз, выбрались на улицу, перебежали в соседний дом, протиснулись в маленькую железную дверцу и, держась за стены, на ощупь пробрались в низкий сырой подвал. Раньше в нем жильцы хранили картошку. Протопелин нашел в углу свободное место, расстелил пальто и усадил жену с дочерью. В импровизированном бомбоубежище стоял полумрак, только в глубине у стены светил чей-то фонарик. Поначалу Василий Валерьянович лиц не разглядел. Но глаза к полумраку понемногу привыкли, и он распознал соседа.

– Тихон Андреевич, ты?

– Я, Валерьяныч. Дожили. В мирное время от бомб хоронимся. Проклятая власть. При большевиках порядок был. Жил бы Иосиф Виссарионович, он бы всех черных в товарняк да в тундру... – Василий покривился, но сосед реакции Протопелина в темноте не заметил. – Эти паскудники и не пикнули бы, – развивал мысль Тихон Андреевич: – Я бы их сам, будь моя воля... – Но договорить не успел.

Снаряд угодил в дом. Страшный грохот и вспышка – последнее, что ощутил Протопелин.

Сколько времени прошло, он не знал. Очнулся от боли в правой руке. Попробовал ей пошевелить и не смог. Лево́й потрогал темноту и ощутил нечто теплое, влажное, тяжелое. Он приподнял это нечто и освободил онемевшую руку. Полежал еще несколько минут. Достал из кармана зажигалку. Дрожащий огонек осветил грудь бетона, из-под которой торчали женские ноги. Протопелин узнал обувь жены и дочери. У соседа половину черепа снесло, теплое и влажное – это кровь Тихона Андреевича. Ощупал себя: вроде все на месте. Попытался встать. Не удалось. Плита нависла над самой головой. Лег обратно и заплакал. Плакал беззвучно, не вытирая слез.

Гали больше нет. Нет и Настеньки. Жена и дочь – единственные близкие ему люди. Галя дождалась мужа из тюрьмы и потом никогда не попрекала. Хотя хорошей работы на воле он так и не получил. Судимость – пожизненное клеймо. А вины не было. Была принципиальность. Егерь услышал пальбу и побежал на звук выстрелов. Партийный босс завалил оленя. Прото-

пелин застал его над тушей. В заповеднике охотиться запрещалось, но начальству законы не указ. Василий видел, что олень жив, и поспешил на помощь.

– Не тронь, мой трофей! – прорычал красный вельможа.

– Браконьерите в заповеднике! А еще член партии, – пристыдил егеря. – Вы задержаны.

– Я тебе, мать твою, покажу, задержаны! – прошипел стрелок и позвал охрану. Протополина скрутили и отняли ружье. Из его ружья добились оленя, а самого сдали в прокуратуру. Потом суд. Из трех отсидел год. Выпустили по амнистии. Видно, секретарю обкома стало стыдно. Выйдя на волю, Протопелин хотел снять судимость, писал в разные инстанции, даже в газету. Никто не хотел верить...

Над развалинами нарастал новый звук, глухой и монотонный. Василий Валерьянович прислушался. Танки, – понял погребенный вдовец.

Прошло еще несколько часов. В разрушенном подвале посветлело. Где-то сбоку в трещине проявилось небо и силуэт крыши. Это была крыша его пятиэтажки. Дом после артобстрела уцелел. «Господи, зачем я их увел сюда!» – терзал он себя, но плакать больше не мог. Слезы кончились, как кончается вода в кувшине. В проем пробился луч солнца. Нош жены и дочери теперь он видел отчетливо. Рядом стыл окровавленный сосед и что-то сжимал в руке. Протопелин потянул из онемевших пальцев и увидел паспорт. Первую страницу залила кровь. Василий Валерьянович полез во внутренний карман, добыл свой паспорт и вложил в руку соседа.

– Есть тут, блядь, кто живой? – В просвете возникла голова в каске.

– Есть. – Протопелин старался крикнуть, но крика не получилось.

– Кажись, есть. Славка, вали сюда, плиты раскидаем.

– На х... надо. Пусть спасатели с саперами раскидывают, отце на мину нарвешься, – ответил невидимый Славка. Василий Валерьянович уже решил, что помощь прошла стороной, но ошибся. Несколько солдатиков разгребали завал.

– Ты кто, чурка?

– Не видите, что ли, ребята, русский я. Пенсионер.

– Тут разве разглядишь... Ты, дед, так замаскировался, что и сам черт не разберет. – Протопелина выволокли на воздух: – Документы при тебе?

– При мне, – простонал спасенный и протянул паспорт погибшего соседа.

Часть первая

Визит к врачу

– Ну вот, господа, можем считать вопрос решенным. – Николай улыбнулся и пожал руки партнерам.

– Вы большой молодец, Грыжин. С вами приятно иметь дело. Нас беспокоит один момент – казахстанская нефть не очень качественная. Не возникло бы проблем с переработкой. Германское оборудование весьма чувствительное, – улыбнулся в ответ Курт Борофф.

– При чем тут Казахстан? Они волюют свою нефть в общую трубу, а вы получите в Новороссийске сырье отменного качества, – заверил Николай и проводил довольных немцев до дверей офиса.

Вернувшись в кабинет, он вызвал к себе Юлю. Секретарша вошла с блокнотом и, не дожидаясь вопроса, принялась быстро докладывать:

– В шестнадцать двадцать встреча в бизнес-центре с представителями фирмы «Оникс». В семнадцать прием в посольстве Украины. Там будет Усовиченко, вы хотели его видеть. В девятнадцать ноль-ноль вы здесь принимаете Яноша Шкора из Будапешта. Он везет на подпись контракт. Вы просили организовать кофе и непринужденную обстановку. В двадцать телефонные переговоры с Нью-Йорком. Сейчас у вас семьдесят пять минут свободного времени.

– Позови мне Петровича, – попросил Грыжин и, вытащив из шкафа гантели, занялся физическими упражнениями.

На пороге Петрович выжидательно замер.

– Дай мне ключи от «волжанки», я сам сгоняю домой и отвезу Никитку на музыку. Вечность не видел ребенка, – попросил Грыжин пожилого водителя. Тот было полез в карман за ключами, но вдруг что-то вспомнил и ключи вынимать не стал:

– Коля, а ты права поменял? Со старыми уже неделю ездить нельзя, штрафуют. Они и талон предупреждений опять ввели.

– Кажется, эту волокиту продлили, – возразил молодой предприниматель, убирая гантели.

– Продлили срок обмена. А выезжать со старыми правами нельзя, – настаивал Петрович.

– Ненавижу бюрократическую канитель, – поморщился Грыжин. – Что для обмена надо, ты помнишь?

– Медицинскую справку, справку из психдиспансера плюс старые права. Я бы тебе помог, но документ положено получать лично. Вот Батко вчера права поменял. По-моему, у него вышло довольно быстро. А Мите с одной рукой особое разрешение требуется.

Николай хотел вызвать начальника охраны, но не стал, вскочил с кресла и быстро зашагал в кабинет бывшего афганца.

– Я сразу получил справку в ведомственной поликлинике, без всякого диспансера. Заплатил триста в кассу и получил. И народу никого. Меня даже врач не смотрел. Сестра все сама устроила. У них это налаженный процесс.

Да, на сегодня ребенок отменяется. Грыжин записал адрес и покинул кабинет охранника. Через минуту он сидел в машине. А через пятнадцать Петрович доставил шефа к панельному типовому школьному зданию в переулке за Ленинским проспектом. Над парадным имелась табличка, оповещавшая, что здесь расположена вовсе не школа, а поликлиника СВТ (Союза Высоких Технологий). В холле не пришлось ни о чем спрашивать. Объявление со стрелочкой, указывающей водителям на второй этаж, висело напротив входа. Николай постучал в двадцатый кабинет и, услышав «входите», открыл дверь. За столом сидела по-купечески полная ладная молодка в белом халате и по-доброму улыбалась:

– Фотографии при вас?

– А нужно? – огорченно поинтересовался клиент.

– Да, две. Но вы не расстраивайтесь. В универмаге «Москва» вам тут же их отпечатают. Мы всех туда посылаем.

Грыжин поблагодарил и вернулся в машину.

– Что же ты, Петрович, про карточки не сказал? – укорил он водителя.

– Забыл, старый дурак. Прости, Коля.

– Жми во всю. У нас с тобой тридцать минут и сорок пять секунд в запасе.

Универмаг от поликлиники находился метрах в трехстах. Через минуту Петрович вырлил к магазину с тыла, а через семнадцать Грыжин снова открыл дверь двадцатого кабинета. На сей раз там, кроме полненькой медсестры, сидел мужчина лет сорока в докторской шапочке и тоже в белом халате. Медсестра показывала ему какие-то бумаги.

– Мне подождать? – спросил Грыжин, предвидя очередную задержку. И, не дожидаясь ответа, полез в карман за мобильным телефоном, чтобы предупредить партнеров о возможном опоздании.

– Светочка, я вижу, наш пациент торопится. Отпусти его, я никуда не опаздываю, – любезно разрешил врач.

– Вы знаете, что у нас справка стоит триста рублей. Оставьте ваш паспорт с фотографиями и спуститесь в регистратуру. Пока вы оплатите, я успею справку оформить, – любезно предложила Света.

– Видите, у нас без бюрократизма. – Доктор подмигнул. – Кстати, чем вы занимаетесь, молодой человек?

– Работаю в бизнесе, – коротко ответил Николай, убирая мобильник назад в карман. Доктор снял очки и внимательно оглядел Грыжина.

– Вы в последний раз давно обращались к медикам? – Клиент не сразу понял смысл вопроса, и врачу пришлось повторить.

– Когда получал права. Это было десять лет назад. – Припомнил молодой предприниматель.

– Давайте, я вас посмотрю. Вы по своей воле к нашему брату не придете, а тут уж за одно. Мне не очень нравится желтизна ваших щечек.

Грыжин пожал плечами и, выложив медсестре паспорт с карточками, послушно побрел за доктором. Они миновали коридор, поднялись на третий этаж и врач, отперев свой кабинет, пропустил пациента вперед:

– Снимите пиджачок, галстучек, рубашечку и прилягте вот сюда. – Врач указал на низкую лежанку, покрытую поверх простыни прозрачной клеенкой. Николай быстро разделся и улегся. – Меня зовут Валентином Аркадьевичем, я заместитель главного врача и в основном занимаюсь диагностикой. Сотрудники системы СВТ обслуживаются у нас бесплатно. На справках для пришедших автомобилистов наша бедная поликлиника имеет возможность немного подработать, вот меня главный и подрядил. Мы понимаем, что к нам приходят за бумажкой, и обычно я стараюсь не беспокоить приходящих осмотром. Но раз вы мне попались, я решил для вас сделать исключение.

Говоря все это, он внимательно ощупывал Николаю шею и грудь, мял живот, словно проникая своими жесткими пальцами внутрь тканей. Грыжин молча терпел. Наконец врач закончил, но продолжал сидеть рядом, о чем-то раздумывая. От него пахло мылом и резким одеколоном.

– Можно одеваться? – не выдержал затянувшейся паузы Николай.

– Подождите. – Врач вздохнул и отсутствующим взглядом уперся в стену. – Ладно, вставайте, накиньте рубашечку и пошли на рентген. Мне надо проверить свои ощущения техникой.

Грыжин редко болел. Даже когда жена и сын лежали с гриппом, инфекция к нему не приставала. Если не считать насморка, который иногда настигал, особенно в первые дни зимы, Грыжин не помнил за собой других недугов. Да и насморк его организм побеждал за несколько суток. Обращаться с такими пустяками к врачу и в голову не приходила. Поэтому возня вокруг его персоны Николая озадачила. Он проследовал в кабинет рентгенолога, отстоял сжатый холодными стеклами в темной камере, затем пролежал под объективом какого-то иноземного аппарата, посылающего его внутренности на большой экран, и вернулся в кабинет Валентина Аркадьевича. Тот сидел за столом, поскольку успел вернуться раньше, и разглядывал на свет темные листы рентгеновских снимков:

– Одевайтесь и слушайте меня внимательно. Обычно пациентам этого говорить не принято, – скорбно заговорил врач.

– Вы не дадите мне справку, – не понял серьезности тона доктора Николай.

Валентин Аркадьевич встал из-за стола, подошел и положил свою жесткую руку Грыжину на плечо:

– Справочку дадут. Но долго ездить вам не придется...

Супруга с домработницей доживали последнюю неделю на даче, и отставной генерал, оставшись в городе, вел холостяцкую жизнь. Обычно это Ивана Григорьевича не угнетало. Без своих женщин он обходился легко, даже получал некоторое мальчишеское удовольствие от возможности резать колбасу на полированном столе и заставлять мойку невымытой посудой. Да и заначенную бутылку армянского коньяка не приходилось прятать за томиком графа Толстого в шкафу своего кабинета. Правда, без риска быть застигнутым удовольствие остроту теряло, вот и сегодня генерал, перед тем как улечься спать, позволил себе всего пятьдесят граммов. Но заснуть не удавалось. Встреча с сыном оставила тягостное чувство.

Иван Григорьевич ворочался на перине супружеского ложа, кряхтел и наконец поднялся. Не зажигая света, долго водил ступнями в поисках шлепанцев, нащупал, обулся, но понял, что спутал тапки. Ма-тюгнувшись, поменял их местами и встал с постели. В темноте покинул спальню и направился на кухню. Чайник еще не остыл. Иван Григорьевич поджег под ним конфорку и уселся за стол. Припомнились слова Коли: «Папа, я знаю, ты Соню всегда любил больше». – «Соня – дочь, а девочек отцы всегда балуют», – возразил он сыну. Но Иван Григорьевич знал, что лукавит. Соня с рождения была его любимицей, и боль за нее до сих пор не отпускает сердце. Однако Николаю знать это не обязательно. Теперь, когда сын стал самостоятельным преуспевающим мужиком, по горло занятым своими делами, они виделись редко и друг от друга отдалились. С этим ничего не поделаешь. Жизнь стала суровой, на сентиментальные слюни времени нет. Но Грыжин не мог отрицать, что и в детстве Коля был обделен отцовской лаской. Зато мать в мальчике души не чаяла, да и сейчас миниатюрная генеральша при виде сына пускает слезу умиления. А Сони больше нет...

Грыжин, вспомнив о дочери, шмыгнул носом и полез в карман за платком. Но в ночной пижаме карманов не предусмотрели. Иван Григорьевич подошел к раковине, смачно высморкался под струей холодной воды, ополоснул лицо и утерся чайным полотенцем. За подобный проступок, будь на месте домработница, ему бы не сдобровать. Варя браниться умела и в выражениях не стеснялась. В деревне под Новгородом, где они оба родились, ненормативной лексикой пользовались виртуозно.

Генерал покосился на закипевший чайник, достал из буфета персональную кружку с дарственной надписью, но чая наливать не стал. Ощувив неприятную духоту, подошел к окну и, раскрыв его, поглядел на ночной город. В соседних домах, несмотря на позднее время, окон светилось предостаточно.

– Не спят, бездельники, – проворчал Грыжин. И вдруг схватился за сердце.

Он, как и его сын, никогда ничем не болел и по этой причине лекарствами не пользовался. Иван Григорьевич знал, что в тумбочке супруги имеется целая аптека, но какими снадобьями успокаивают отцовское сердце, понятия не имел.

Сердце генерала заныло не случайно. Грыжин впервые испугался за сына.

С потерей дочери он смирился, хотя продолжал страдать по Соне и вспоминал ее каждый день. Гибель дочери была ужасной, но Грыжин полагал, что она расплатилась за свой грех. Соня когда-то из ревности застрелила мужа. За ее преступление отсидел пасынок Сони Эдик Кадков. Выйдя из тюрьмы, он мачехе отомстил. Кадков был мерзавец, но на ненависть к Соне право имел.

Николай – совсем другое дело. Сын шел по жизни прямо. Всего добивался своим упорством и способностями. Грыжин знал, что Николай работает в фирме близкого друга, его тезки, Аксенова, и за сына никогда не волновался. Но вчерашний визит наследника Ивана Григорьевича встревожил. Коля явился в офис без звонка. Сыскное бюро подполковника Ерожина, где отставной генерал Грыжин служил консультантом, до этого взрослое чадо посетило всего один раз. Это случилось несколько лет назад, когда Грыжин-младший пришел на праздник по случаю открытия бюро. И вот сегодня явился с Ни-киткой. Генерал сыну и внуку очень обрадовался. Он уже несколько дней оставался в бюро единственным сотрудником и скучал. Подполковник Ерожин уехал к родственникам жены на Волгу. Молодой сыщик Глеб Михеев укатил охотиться на родину, в вологодские леса, и визит Николая оказался весьма кстати. Но радость от встречи быстро улетучилась. Коля сказал, что у него к отцу дело, они оставили Никит-ку за компьютером генерала и перешли в директорский кабинет Ерожина.

– Папа, вот тебе конверт. Спрячь его в надежном месте. Откроешь, если со мной что-нибудь случится. – Николай достал из кейса конверт и протянул отцу. Грыжин вопросительно посмотрел в глаза сына, но ни страха, ни волнения там не заметил. Коля выдержал отцовский взгляд спокойно. – Не бери в голову, отец. У меня все в норме. Это на всякий случай, – ответил он на молчаливый вопрос родителя. Грыжин покачал головой и убрал конверт в сейф. Затем они поговорили о пустяках, и сын протянул руку: – Пока, пора работать.

Иван Григорьевич проводил Колю и донес внука до машины. За рулем директорской «волжанки» сидел Петрович. Бессменный водитель Ивана Вячеславовича Аксенова теперь чаще обслуживал Николая. Хоть Аксенов формально и числился директором, на деле фирмой давно руководил молодой Грыжин. Дождавшись, когда автомобиль скроется из виду, Иван Григорьевич вернулся в офис. Он весь день не находил себе места, а ночью страдал бессонницей.

Сердце понемногу отпустило. Генерал закрыл окно, выключил газ под выкипающим чайником и вернулся в спальню. «Надо поговорить с Аксеновым», – подумал он и, приняв решение, уснул. Спалось маятно. Старик ворочался и сильно храпел. Когда супруга ночевала рядом, его храп ее будил, и Галина Игнатьевна щекотала мужа, пока тот не находил более удобной позы. Но жены рядом не было, и генерал храпел на всю квартиру.

Проснулся он, как всегда, на рассвете, но вставать не торопился. Вчерашний визит сына со странной просьбой тут же восстановился в памяти. Грыжин лежал и думал о Коле. Рос Николай без особого участия отца. Когда мальчик перешел в девятый класс, Грыжина назначили заместителем министра внутренних дел. Если и до этого он приходил домой в основном только спать, то, переехав с Петровки на Октябрьскую, в министерский кабинет, домашних видел раз в неделю, по воскресеньям. В школу иногда ходила жена, и всегда после таких походов долго рассказывала, как учителя нахваливают их мальчика. Если Соня училась кое-как, то Николай переходил из класса в класс круглым отличником.

За все время учебы сына Грыжин в школе так и не побывал. Еще в Новгороде он отвез на оперативной машине мальчика с женой первого сентября в первый класс и, не покидая кабины, поспешил на работу. Через год полковника Грыжина перевели в Москву, тут ему и вовсе было

не до парня. Совмещая работу с учебой в Академии внутренних дел, Иван Григорьевич не имел на детей ни времени, ни сил. Годы мелькали быстро. Грыжин еле успевал отмечать вехи своей биографии.

...– Папа, у тебя новый мундир? – удивился как-то сынок, увидев отца в генеральской форме.

– Растем, Колян, – ухмыльнулся в ответ родитель.

О том, что сын поступил в Плехановский, отец узнал ровно через полтора года, за воскресным завтраком. Он считал, что сын грызет науку в МГУ, на юридическом, куда поступил после школы. Но сын через год сменил вуз, и родитель этого не заметил. Закончил институт молодой Грыжин уже в новой стране. Через два года Николай пригласил отца на свою свадьбу. Тогда Иван Григорьевич впервые посетил квартиру сына... Он даже не помнил, когда тот переехал в собственное жилье.

– Ты, видно, деньгу зашибаешь хорошую? Смотри, не окажись в моем ведомстве... – проворчал тогда папаша, оглядывая апартаменты отпрыска.

Серьезно поговорили отец и сын после рождения внука.

– Тебе нравится работать на карман? – спросил он сына, уже изрядно разгорячившись любимым армянским коньяком.

– Мне нравится, папа, шевелить извилинами, – ответил Коля. – Понимаешь, место начальника отдела мне уже тесновато. Топчусь на месте.

Грыжин только хмыкнул, но слова сына в голове засели. Отмечая свой уход на пенсию, он о них вспомнил и порекомендовал Колю своему другу Аксенову. Иван Вячеславович тогда находился в тяжелом положении. Аксенов с трудом вышел из запоя, дела в своей фирме запустил и жаловался, что боится оказаться за бортом. Николай Грыжин спас фирму. Она устроила обороты и сменила офис. Вместо девяти сотрудников в их компании сейчас служило около двухсот человек. Николай Грыжин стал мозгом и мотором фирмы. Аксенов не раз предлагал заместителю стать генеральным.

– Эта ваше детище. Меня положение заместителя вполне устраивает. Соберетесь на пенсию, поговорим, – отказывался Грыжин. Молодой человек не дипломатничал. Должность его вовсе не волновала. Аксенов давно сделал зама своим компаньоном, и Николай работал на пределе, чего и искал по жизни.

Никаких пессимистических настроений генерал за сыном раньше не замечал. Престарелого родителя даже немного раздражало рациональное начало в своем взрослом ребенке. Николай вырос человеком дела и только дела. Оттого и просьба сохранять конверт, «пока со мной что-нибудь не случится», старого генерала встревожила. Без серьезной причины сын с подобной просьбой к нему бы не пришел.

В начале девятого Грыжин позвонил Ивану Вячеславовичу:

– Тетка, что-то мы давненько не виделись, – начал он разговор издалека.

– Грыжин, старый черт, ты еще жив?! – обрадовался Аксенов.

– Твоими молитвами, – пробасил генерал. – Хоть бы в гости пригласил? Все же мы почти родня.

– Приезжай завтракать. Мама вчера такой студень сработала, пальчики оближешь, – откликнулся Аксенов.

– Ты на работу не собираешься? – удивился генерал.

– А ты? – тем же тоном поинтересовался старый друг.

– Я – да. Твои зятки разъехались, один отдуваюсь.

– Позавтракаем, и заступай на пост. Мы с тобой можем иногда и задержаться. – Судя по интонации, Аксенов ухмыльнулся. – Через двадцать минут спускайся, я за тобой машину вышлю.

– Петровича? – предположил Грыжин.

– Петрович твоего сынка возит. У меня теперь шесть водителей. Толика на микроавтобусе жди. В номерном знаке три семерки, не ошибешься.

Толик появился возле подъезда ровно через двадцать минут. Как ему удалось добраться за это время по утренней Москве, Грыжин поначалу не понял. И, лишь проехавшись в «Фольксвагене», сообразил, что Толик – циркач за рулем.

– Ты случайно не псих? – спросил генерал, с трудом удерживаясь на виражах.

– Николай Иванович всех водителей с Дмитровского полигона набрал. Мы в прошлом испытатели, поэтому не беспокойтесь. Только держитесь крепче, – успокоил Толя.

Грыжин вцепился двумя руками в переднее кресло и не успел прийти в себя, как они оказались на Фрунзенской набережной. Дверь открыл сам хозяин. Аксенов сжал генерала в объятьях, затем оглядел, похвалил за бравый вид и проводил в столовую. Марфа Ильинична хлопотала у стола.

– Прости, матушка, даже цветочков купить не сообразил. Лихач Толик последние мозги из башки вытряс. Я от страху еле досидел, – пожаловался Грыжин, целуя старой вдове руку. Он отметил, что Марфа Ильинична подалась, как-то уменьшилась, съежилась. Некогда мощная и объемная, генеральша превращалась в маленькую старушку. Но властный тон сохранила.

– Ты, генерал, что-то с годами трусоват стал. Я и то ездить с Ванькиными лихачами не трушу. Но согласна, больно шустры, – посетовала Марфа Ильинична, усаживая гостя за стол. Генерал устроился на стуле и почувствовал нечто мягкое и теплое у себя на коленях.

– Фауст, и ты жив! – обомлел Грыжин, обнаружив там рыжего пушистого кота.

– А чего ему сделается. Он теперь на новых заморских кормах млеет. Хека больше не желает употреблять. Нагляделся со мной по телевизору на рекламу, – серьезно доложила вдова, накладывая на тарелку гостю своего знаменитого студня.

– По рюмочке не откажешься? – Аксенов приподнял графинчик синего хрусталя и выжидательно посмотрел на друга.

– С утра водку пить грешно, но студень без нее родимой и вовсе богохульство, – согласился генерал, подвигая серебряную рюмочку. – А где Лена? – поинтересовался он, с удовольствием закусив водку студнем.

– Все нас бросили. Жена с Надей и твоим Ерожи-ным на Волге прохлаждаются. Не выдержало ее сердечко. Приревновала Елена Николаевна внучат к тамошней бабушке и укатила.

– Бросили, бросили... Ты-то с матерью. А я один как перст. Жена с Варей на даче. В офисе никого. Я же с твоими зятями работаю. Выходит, мы оба брошенные.

– Да, переплелось у нас с тобой, Грыжин, служебное с личным. Но должен похвалить твоего сына. Живу как у Христа за пазухой. Даже совестно, вроде я директором считаю, а толку от меня как от козла молока. Все Николай.

– Ну это нормально. Мы с тобой отслужили. Пускай теперь детишки попрыгают, – усмехнулся Иван Григорьевич. – Кстати, как там Коля? Был вчера у меня сын с внуком. Что-то он мне не понравился.

– Внук? – удивился Аксенов.

– Да нет, Никитушка – парень бой. А вот сышок выглядел кисло, – пояснил Грыжин. – Я уж решил, что-то у вас не заладилось...

– Не замечал. Колька сейчас такой контракт с немцами провернул, я только тыкву почесал. Три компании лезли, а он добился.

– А конкуренты, случаем, бомбочку вам не готовят? – насторожился Иван Григорьевич.

– Нет, – уверенно возразил Аксенов. – Это все мужики крупные и над криминалом. У нас со всеми прекрасные отношения и выгодные совместные проекты. Наша удача и им на пользу.

– Верно генерал говорит, кислый Николай в последнее время, – вмешалась Марфа Ильинична. – Заездил ты, Ваня, парня. Пора ему отдохнуть. Два года без отпуска и верблюдов не выдержит.

– Так сейчас он и собрался в отпуск, – ответил Аксенов матери.

– Мне вчера Коля ничего не сказал, – удивился Грыжин. – Куда же он собрался?

– Мы с твоим сыном эту тему не обсуждали. Но поскольку он вынул из фирмы двадцать пять тысяч баксов, погулять, видно, задумал на славу, – беззлобно проворчал Аксенов.

После завтрака генерал вернулся в бюро, на Чистые пруды. Он уселся за свой стол и машинально включил компьютер. На экране появился странный текст: «Оловянные с мыльч-к-жком вкрывпода». Прочитав бессмысленное предложение, Грыжин сперва силился понять, откуда взялась эта тарабарщина. И лишь вспомнив, как вчера его внук упражнялся на компьютере, сообразил, что взирает на творчество шестилетнего Никиты. Иван Григорьевич облегченно вздохнул и улыбнулся. Ребенок тешился, пока он беседовал с Николаем. Но улыбка на лице старика надолго не задержалась: с внуком приехал. Не припомню, чтобы Коля днем гулял с Никиткой. Нет, явно с ним что-то происходит.

Беспокойство за сына после визита к Аксенову не прошло. Почему сын умолчал об отпуске? Куда он собрался укатить на двадцать пять тысяч долларов? Уж не в Африку ли на львиную охоту, если перед поездкой принес конверт с завещанием?

Грыжин подошел к сейфу, извлек конверт и повертел в руках. Очень хотелось заглянуть внутрь, но отцовское любопытство генерал в себе пересилил. Иван Григорьевич был уверен, что в конверте именно завещание. Что еще просят вскрыть после смерти? В тридцать шесть лет о завещании без причины думают редко. Вот только если на льва, тогда понятно. Но мысль о сафари Грыжин всерьез не принял, знал, что сын парень рассудительный, и эдакого пижонства от него не ждал. Он вернул конверт на место и задумался. Поступок молодого предпринимателя скорее объяснялся шантажом. «Может, кто-то надавил на Колю, и сын решил откупиться? Решил, но уверенности, что деньги проблему снимут, у него нет. Вот и принес конверт». Такой ход событий бывшему заместителю министра внутренних дел показался куда правдоподобнее сафари. Иван Григорьевич Открыл шкаф, полез в карман пальто, извлек плоскую фляжку с любимым коньяком, сделал большой глоток, понюхал на закуску свой огромный кулак и позволил Ерожину в Самару.

Начальник отдела раскрытия убийств полковник Никита Васильевич Бобров собрался на пенсию. Такое решение полковник принял внезапно. В июле он впервые за три года взял отпуск и отправился с Кирой на пароходе по Волге. Путевка стоила огромных денег. Если раньше путешествие до Астрахани и обратно мог позволить себе и студент, то теперь это удовольствие тянуло покруче многих зарубежных вояжей.

– Как дорого, – ужаснулась Кира, услышав, что им придется выложить почти две тысячи долларов. – Поедем лучше в Испанию. Там пляжи, говорят, хорошие, и в одну тысячу уложимся.

Но Бобров настоял. За границу он принципиально ехать не хотел. «Обжуют и там и здесь, – объяснил он супруге. – Но там чужие, а тут свои. Я, Кирочка, все-таки патриот». И Кира согласилась.

Они плыли ночами, а днем теплоход останавливался в очередном городе, и отдыхающие получали возможность экскурсий, могли оглядывать достопримечательности и были связаны с теплоходом только обедом и каютой для дневного отдыха. Бобров с женой обычно утром брали одну экскурсию, а после обеда бродили вдвоем. Их совершенно очаровал Калязин. Это был типичный приволжский русский городок с высокими деревянными одноэтажными домами. Старинные терема с тесаными воротами и резными наличниками потемнели от времени, но гордо держались, напоминая о том, что когда-то на Руси умели красиво и прочно строить. Супруги забрели на рынок, где купили себе по паре настоящих лаптей. Лапти местные умельцы создавали только для туристов, и обычно их покупали иностранцы.

– Буду на Петровке в отделе щеголять.

– Не позорься, подчиненные засмеют, – остерегла Кира.

– Пусть только попробуют! Это наша русская обувь, и носить ее должно с уважением. Ручная работа.

Запрятав лапти в спортивную сумку невероятных размеров, Бобров повел Киру к опустевшим молочным рядам. После обеда базар засыпал, но они купили банку простокваши у пожилого седоусого продавца, который уже собирал непроданное в ящики, тут же ее съели. На деревянном прилавке от покинувшего свое место торговца осталось немного семечек, и воробьи в драку пользовались бесплатным обедом.

– Жируют засранцы, – улыбнулся Бобров и взял жену под руку.

Чета покинула рынок и двинулась по улочке с милым названием Речная. Улочка вела к Волге. Бобров спустился с Кирой к самой воде и увидел на дощатой калитке картонную табличку с чернильной надписью: «Продается». Надпись умилила путешественников фиолетовыми чернилами, каких уже давным-давно нет в продаже. Супруги притормозили, Никита Васильевич приподнялся на цыпочки и заглянул за забор.

Матерые сучковатые яблони-ветераны ломились под тяжестью наливающихся яблок. В центре, окруженный плодовыми деревьями, виднелся крепкий рубленый домик. Возле высокого крыльца цвели георгины и стояла бочка с дождевой водой. Никита Васильевич приподнял Киру, и она тоже все это увидела.

– Давай спросим почему? – опуская жену на землю, неожиданно для себя предложил Бобров.

– Ой, правда! Я сама об этом подумала, – выдохнула Кира.

Калитка замыкалась на проволоочный ободок. Они сняли немудреный замок, открыли калитку, поднялись на высокое волжское крыльцо и постучали. Глуховатая хозяйка преклонных лет открыла не сразу.

Через полчаса, за самоваром, москвичи узнали и цену дома, и причину продажи. Елизавета Федоровна имела под Москвой, в Мытищах, сестру, на три года старше ее самой. Та болела и требовала ухода. Обе женщины доживали одиноко, и Елизавета Федоровна решила перебраться в Мытищи. Бывать там наездами пенсионерке было дорого да и трудно: старушка разменяла восьмой десяток.

– Ну что, рискнем? – подмигнул Бобров, когда они снова оказались на прибрежной улочке. – Заживем в своем доме. Тут и погреб, и кладовки. Будешь заготовки делать. Ты же у меня мастерица.

– А твоя работа?

– Уйду на пенсию! – заорал Никита Васильевич, схватил Киру в охапку и закружил по булыжной мостовой.

– Отпусти, люди увидят! – взмолилась женщина. – Мы же с тобой не студенты, стыдно...

Все оставшееся путешествие они говорили только о домике в Калязине. Бобров мечтал приезжать туда в начале весны, чтобы наблюдать ледоход, проводить в городке все лето до поздней осени и возвращаться в Москву с первым снегом. Они вспоминали сад, и Кира уже продумывала, какую ягоду пустит на компоты, а какую на варенье.

– Представляешь, мы будем каждый день просыпаться – и в окне Волга! Закаты, рассветы! Мы же в столице неба не видим, хоть и живем на чердаке. Вокруг башен настроили, что и в гостинной темно стало. А тут мы живую природу на остаток жизни получим. И никаких убийств! Как же мне эта уголовная сволочь осточертела! – восклицал полковник. Кира тихо улыбалась, в ее глазах светился тайный восторг.

На обратном пути они домик купили. В конце августа Никита Васильевич написал заявление. Через десять дней его вызвали к генералу – начальство вовсе не обрадовалось желанию Боброва уйти на покой.

– Кого на твое место ставить, ты подумал? – раздраженно выговаривал подчиненному заместитель начальника Управления генерал Еремин. – Ты вроде наладил раскрываемость, но меня, ядрена Феня, все равно дерут в мэрии каждую неделю. А что будет, если ты уйдешь? О деле думай, Никита, о себе потом. За нами Москва. И на хера тебе пенсия? Ты мужик крепкий, без дела волком взвоешь.

– Я найду замену, – пообещал Бобров.

– Волкова? – Еремин скривился.

– Тимофею еще рановато. Он сможет, но годика через три, пожалуй.

– Тогда кого?

– Пока не знаю.

– Достойную замену не найдешь, будешь сам работать. – Еремин поднялся из-за стола и ткнул пятерню Боброву. – Иди, Никита. Огорчил ты меня, хренов пенсионер. Думал, вместе на отдых пойдем.

Вернувшись в свой кабинет, Бобров вызвал Тимофея Волкова.

– Хочу с тобой, майор, поговорить откровенно.

– Слушаю, Никита Васильевич.

– Ты присаживайся, Тимофей. Чай будешь?

– Только что с ребятами пил. Больше не войдет, – отказался Волков.

– Как там с помощником депутата? Давят? – Никита Васильевич не хотел сразу выкладывать свое решение.

– Давят, но Колесников сидит и до суда будет сидеть.

– До суда будет, а потом оправдают и выпустят. Делаем мы свое дело, а они словно в другой стране живут. Убийц на свободу отпускают. Будто у них близких нет, волноваться не за кого, – проворчал полковник. – Ладно, ты чаю не будешь, я себе заварю.

Волков терпеливо ждал, пока шеф поколдует с заваркой, зальет заварник кипятком и накроет шляпой. Эта фетровая шляпа, неизвестно кем забытая, прижилась в кабинете, исполняя роль «чайной бабы».

– Собрался я, Тимофей, на пенсию, – наконец прервал молчание Бобров.

– Вы?!

– Да, я. А почему это тебя так удивляет?

– Вы же еще молодой. И потом, как же мы?

– Вот я и думаю, как... – Замечание о собственной молодости Бобров решил не комментировать. – Руководство требует замену. Я о тебе подумал, но если честно, тебе еще года два-три надо на оперативной работе оставаться. Сейчас ты на месте. Начальник может и дураком быть, а следовательно дураком быть негоже...

– Меня не надо, – испуганно попросил Волков.

– Пока не надо, а там все равно придется. Вот я и думаю, кого на свое место рекомендовать. С кем бы ты, Тимофей, работать хотел?

Волков задумался, уставившись на свои ботинки. Бобров налил в стакан крепкого чаю, отхлебнул, вернул подстаканник на стол и выразительно покашлял.

– Я, кроме вас, с Петром Григорьевичем бы поработал, – наконец высказался Волков.

– С Ерожиным? Так он же частник. У него своя фирма. Я, грешным делом, о нем сразу вспомнил. Тебе бы хорошо под его началом пару лет походить. Ерожин мастер, но начальство вряд ли на это пойдет, да и Петр тоже.

– Почему? Сейчас людей странно на должности ставят. Взяли же на наркоту ученого-химика, он и вовсе не из нашей конторы, – убежденно возразил Волков.

– Чудеса, конечно, и у нас случаются. Можно попробовать, – согласился Бобров и отпустил подчиненного.

«Ну, теперь весь отдел начнет кругами ходить», – предположил Никита Васильевич и не ошибся. Под разными предложениями в начальственный кабинет поперли сотрудники. Задав для порядка пару вопросов по работе, топтались и, жалостно поглядывая на шефа, упрашивали остаться. Уход на пенсию начальника взволновал всех.

Выдержав осаду, Никита Васильевич поглядел на часы: начало пятого. Полковник встал, надел пиджак и медленно вышел из кабинета. На улице он вздохнул всей грудью. Осеннее солнышко святило мягко и нежно. Бобров побрел по саду «Эрмитаж», размышляя о своем решении. С одной стороны, жизнь в тихом городке вдвоем с любимой уютной Кирой полковника радовала. О чем-то подобном он уже несколько лет подумывал. Но оставлять ребят, работу, которую хоть он и клял, но без которой себя не мыслил, было грустно. Эта грусть разозлила полковника.

– Все равно рано или поздно придется. Сколько можно заниматься говном?! – вслух громко воскликнул он в сердцах, чем напугал проходящую мимо молодую женщину с коляской.

– Вы мне? – оглядевшись по сторонам и не обнаружив упомянутого вещества, удивленно спросила мамочка.

– Нет, милая. Я по-стариковски, сам с собой. Прости, если напутал, – смутился Никита Васильевич.

– Ничего, ничего... – протараторила молодуха и быстро покатила малыша прочь от странного дядьки. Бобров сменил прогулочный шаг на деловой, вернулся на работу и, не садясь в кресло, позвонил в Самару Ерожину.

– Я вас узнала, Никита Васильевич, – обрадовалась Надя знакомому голосу.

– Значит, нищим и помру, – шутливо огорчился Бобров. – Мне, Наденька, с Петром очень надо поговорить.

– А Петя утром улетел в Москву. Его дядя Ваня вызвал.

– Грыжин? – уточнил Бобров.

– Да. У него что-то там приключилось.

– А ты вместе с мужем почему не полетела?

– Мы, Никита Васильевич, здесь еще недельку проживем. Уж очень Волга осенью хороша. Да и мама со мной.

– Что Волга осенью хороша – верю. Может сдаться, что я на берегу Волги окажусь, – признался полковник. – Значит, супруг уже в Москве?

– Он в час дня отзвонил, что долетел нормально. Ищите его или в бюро, или дома.

Никита Васильевич попрощался, положил трубку и тут же набрал номер частного сыскного бюро.

– Ерожин слушает, – ответили в трубке.

– Вот, Петька, обычно я тебе нужен, а сегодня ты мпс. Можешь приехать?

– Я только из Самары, но если нужен высокому начальству, приеду. Деваться некуда.

– Вот и хорошо. Только на работе я бы тебя принимать не хотел. Пойдем поужинаем в садике «Эрмитаж». С того ресторанчика, если помнишь, наше знакомство началось. Я угощаю, так что не разоришься. Люблю символические места, – загадочно добавил Бобров.

Ерожин ресторанчик помнил и не возражал. Они договорились встретиться через час и распрощались.

«Не знает, шельма, что его ждет», – усмехнулся Никита Васильевич, позвонил Кире, чтобы не ждала с ужином, и направился на второй этаж. В приемной секретарша генерала Еремина Лиза улыбнулась полковнику и сообщила, что у начальника небольшое совещание, но о приходе Боброва доложила.

– Скажи пенсионеру хренову, пусть минут десять подождет, – удивил Еремину Лизу своим ответом.

– Он вас почему-то пенсионером назвал, – покраснела Лиза, умолчав о ботанической добавке генерала, – и просил десять минут подождать.

– Шутит, – прикинулся дурачком Никита Васильевич и устроился в кресле.

Еремин освободился через пятнадцать.

– Ну с чем опять пожаловал?

– Я хочу предложить на свою должность подполковника Ерожина. Он по ранению на пенсии. Но здоровье у него восстановилось. Уверен, что медкомиссию он пройдет без проблем и несколько лет мог бы с успехом поработать, – выложил Никита Васильевич.

– Постой, это тот самый частный сыщик?

– Тот самый, – подтвердил полковник, понимая, что генерал намекает на дело с фальшивомонетчиками, в котором Ерожин отличился и получил известность в Управлении.

– Помню, помню. Стриженный бобриком пожилой мальчик. Это будет непросто... – покачал головой генерал.

– Почему? – наивно удивился Никита Васильевич.

– Я уж не говорю, что офицера, ушедшего в отставку, вернуть на работу – головная боль, но Ерожин имеет свое сыскное бюро. Там, ядрена Феня, бабки, а у нас зарплата.

– Да, у него частное сыскное бюро, – не отрицал полковник. – Но это делу не мешает.

– Ни хера себе не мешает?! Он будет вести расследования за казенный счет, используя всю техническую базу Управления, и класть гроши себе в карман?! Этот номер у нас не пройдет. Пусть откажется от частного сыска, тогда и поговорим. А он согласен?

– Пока не спрашивал. У меня с подполковником через сорок пять минут встреча.

– Прямо ему, ядрена Феня, и скажи. Хочет на государеву службу, никаких частных бюро. Пусть выбирает.

– Так точно, – ответил Никита Васильевич.

Покинув высокий кабинет, он спустился вниз, вышел на улицу и побрел по аллее «Эрмитажа» в сторону ресторана. Еще раз возвращаться сегодня на службу полковник Бобров намерений не имел.

Оставив у отца в сыском бюро злополучный конверт, Николай Грыжин отправился вовсе не на фирму, а в правление ЖСКА собственного дома. Учреждение находилось в подвале соседнего корпуса. Бухгалтерша Зина кушала шоколад, полученный в качестве взятки от одного из жильцов, и смотрела журнал мод. Перед работой Зина взвесилась на домашних весах и тем испортила себе настроение. Женщина прибавила полтора килограмма и шоколад ела от отчаяния. Но при виде молодого предпринимателя сменила гнев на милость и выдавила улыбочку:

– Здравствуйте, Николай Иванович. Вот уж кого не ожидала лицезреть в нашем подземелье. Ваша жена говорит, что у вас и свободной минутки нет. Все работаете...

– Да, Зина, обычно я очень занят. Скажите, если я уеду в длительную командировку, смогу оплатить все расходы по своему жилью на несколько лет вперед?

– Конечно, сможете. Но вы же человек деловой и должны понимать, цены быстро меняются.

– Вы хотите сказать, растут, – уточнил Грыжин.

– Вот именно, – кивнула Зина.

– Я могу приблизительно рассчитать динамику роста и сделать выплаты с учетом этого.

– А угадаете?

– Бизнесмен должен уметь предвидеть такие вещи.

– Мне бы ваши способности. – Зина вздохнула.

– Я бы хотел составить с вами договор, по которому внесу плату вперед, скажем, за пять лет, – предложил Николай и открыл бумажник. Зина как зачарованная смотрела на толстую

пачку зеленых купюр и молчала. Николай извлек из пачки стодолларовую бумажку и выложил ее на стол перед бухгалтершей: – Это ваш гонорар за работу. Сможете подготовить документ к завтрашнему утру?

– Подготовить смогу, но как быть с ростом цен? – улыбнулась Зина, убирая гонорар в ящик стола. Настроение, испорченное лишним весом, сразу пришло в норму.

– Оставляйте пробелы. Цифры я впишу сам.

– А вы далеко? В Америку? – В глазах Зины возникло живое любопытство. – И я в ноябре в Нью-Йорк собираюсь. Может, встретимся?

– В конце концов все встретимся, – пообещал Николай и, распрощавшись с бухгалтершей, поехал на телефонную станцию.

Там он тоже добился согласия внести абонентную плату за пять лет вперед, оговорив отдельной суммой возможность будущих междугородних и международных звонков. Затем отправился в банк и сделал распоряжения по работе с его счетом. На фирму заместитель генерального директора заскочил в конце дня и пробыл в кабинете не больше часа.

В шесть часов вечера Петрович отвез его домой. Грыжин поужинал и предложил жене взять сынишку и погулять по вечернему городу.

Маша не узнавала мужа. Обычно вымотанный до предела, он появлялся дома после десяти и, приняв душ, валился в койку. Пока Маша раздевалась, Николай успевал уснуть мертвым сном. А в последние дни она первая засыпала в его объятиях. Вот и сегодня он не давал ей уснуть до глубокой ночи.

– У нас словно медовый месяц, – прошептала женщина, прижалась к мужу и заплакала. Грыжин причины слез не понял. Только что им было так хорошо вместе.

– Что ты, милая? Я тебя обидел?

– Ты вдруг меня заметил. А сколько лет мы жили параллельно? Ты рядом, но на самом деле – пустота.

– Почему пустота?

– Ты в своих делах днем и ночью. Смотришь сквозь меня, словно я стеклянная. Я же живая! У меня молодость проходит, а ты не замечаешь. Думаешь, что твои деньги могут заменить любовь? Заменить нормальные отношения? Да, мы с Никиткой сыты, одеты и обуты. За это тебе большое спасибо. Но это же не все! Как ты не понимаешь?!

– Чего же ты раньше молчала?

Маша, продолжая всхлипывать, уселась на постели.

– Видно, привыкла к такой параллельной жизни и забыла, что бывает по-другому... В последние несколько дней ты меня заметил и приласкал. Понимаешь, как бабу заметил? И я поняла, чего была лишена многие годы. Ты спал со мной и в это время думал о своих контрактах. Я не чурбан, чувствую. А сегодня ты мой. Ты настоящий.

Николай хотел сказать, что теперь все изменится, но прикусил язык. Перемены, ожидавшие молодую женщину, вряд ли могли ее порадовать...

На следующее утро, по обыкновению ровно в восемь, Петрович позвонил в дверь. К его огромному удивлению, шеф пребывал в халате.

– У меня дома есть дела. Езжай на фирму, я доберусь сам, – потягиваясь, попросил Грыжин.

Закрыв за изумленным водителем дверь, он прошелся по квартире. Жена, утомленная ночным разговором, еще спала, а из комнаты сына доносился звук телевизора. Никитка смотрел мультики по каналу «Фокс Кидс». Увидев в дверях отца, мальчик пружиной взвился с ковра и бросился Николаю на шею:

– Папочка, как хорошо, что ты дома! Давай пойдем куда-нибудь.

– А куда бы ты хотел?

– Петька Шпанов вчера с родителями в Уголке Дурова от кайфа тащился. Он такое рассказывал...

– Что значит «от кайфа тащился»? – поморщился отец. – Где ты набрался этой дряни?! Чтоб я больше ублюдочного жаргона в доме не слышал.

– А что? Разве так говорить нельзя? – удивился отпрыск.

– Если хочешь превратиться в одноклеточного таракана, пожалуйста. Но ты умный парень. Зачем тебе эта мерзость?

– Папа, так и Саша Вориков, и Дима Курлянский говорят, а они уже школьники.

– Вот они пускай говорят. Но от тебя я подобного словесного мусора слышать не желаю. А в Уголок Дурова пойти согласен. Мама проснется, позавтракаете и ждите меня. Приеду, заберу.

– Ура! – закричал Никитка и повис на халате Николая.

Грыжину выходить было рано, бухгалтерия в ЖСК начинала работать с девяти, но глава семьи понимал, что, оставшись дома, своим необычным поведением напугает жену, поэтому оделся и вышел на улицу, купил в киоске газету и уселся на лавочку. Если раньше Николай газетные новости проглядывал за минуту, и лишь деловые сводки читал очень внимательно, то сейчас понял, что курсы валют и котировки акций его вовсе не занимают. Как резко изменились за несколько дней интересы заместителя генерального директора Николая Ивановича Грыжина! Мелкой и ненужной теперь казалась вся финансовая суeta. Вместо биржевых сводок молодой предприниматель изучил статью о беспризорных детях, посочувствовал ветеранам, которым по ошибке не достался праздничный презент мэра, и отложил газету.

– Вы уже ждете? – забеспокоилась Зина, отпирая контору. – Мы в девять начинаем. Я вовремя...

– Все в порядке, Зиночка. Это я пораньше вышел. Хотел воздухом подышать.

Бухгалтерша, получив сто долларов, на работу не опоздала и поручение жильца выполнила. Грыжин вписал цифры в оставленные пробелы, поблагодарил и зашагал в сберкассу. Он отвык пользоваться шариковой самопиской и полчаса возился с квитанциями. Наконец операция была завершена, и клиент облегченно вздохнул. Все, что можно было сделать для будущего семьи, он сделал. Жизнь свою застраховал и страховой полис вложил в конверт, который и оставил в сыскном бюро отцу. После его смерти Маша получит около четырехсот тысяч долларов. Этого хватит и на образование сына, и на их вполне обеспеченную жизнь. Николай был уверен, что отец вместе с Ерожиным сумеют вынуть из страховой компании все точно по договору.

Он уже внес страховщикам двадцать пять тысяч долларов и сделал распоряжение в банке, что ровно через месяц на счет их фирмы переведут еще пятнадцать. Через месяц, по словам доктора, Грыжин еще будет жить, но сможет ли сам распорядиться деньгами, врач не поручился. Кроме страховки молодой предприниматель написал завещание, где оставлял жене свой пай в фирме Аксенова. Это тоже не маленькие деньги. Квартиру он и так купил на Машу, поэтому с жильем у жены осложнения не возникнет.

Николай все продумал, все что мог, оплатил на несколько лет вперед, и теперь, когда бытовые хлопоты закончились, растерялся. Он брел по Большой Никитской и ощущал тоску и неловкость от своей праздности. Слоняться без дела по улицам молодому предпринимателю казалось дикостью. Неожиданно Грыжин остановился перед маленькой церковью. Постоял немного и нерешительно вошел. В полумраке храма молилось несколько старушек. Бизнесмен неумело перекрестился и застыл возле иконы. Строгий Бог смотрел на него с темной доски, и казалось, что Бог сердится.

Грыжин не был атеистом, но о проблемах этого и того света раньше не размышлял. По понятиям молодого бизнесмена, это относилось к миру старушек и юродивых. А сейчас в церкви он вдруг засомневался.

«Как же так? – думал он. – Неужели я уйду, меня закопают –: и все? Зачем же я тогда жил? Для чего жил? Чтобы делать деньги? Я что, жадный?» Николай пытался припомнить, что им руководило в поворотные моменты его бизнеса, и не мог. Нет, не деньги. Во всяком случае, не только деньги. И вдруг понял: азарт. Именно он вел его по жизни. Азарт и больше ничего. Неужели это все, чем он жил? Старушка подошла к образам и поставила свечку. Николай еще раз взглянул на лик. Бог продолжал строго взирать с темной иконы, не давая ответов. Грыжин перекрестился и вышел.

Вышел и зажмурился от блеска осеннего солнца. По улице мчались машины, спешили пешеходы. Тут царили понятные мирские заботы, и про темный лик со строгим взглядом никто не думал. Николай дождался, пока глаза привыкнут к свету, шагнул на проезжую часть и поднял руку. В машине Николай почувствовал сильное сердцебиение и, потрогав лоб, нашел его влажным. «Начинается», – подумал он, достал платок. Но слабость быстро прошла.

Через двадцать минут Грыжин уже входил в свой кабинет. Секретарша Аксенова Юлия, давно ставшая для Николая его секретаршей, доложила о звонках партнеров и выдала распечатку электронной почты. Грыжин проглядел бумаги, раскрыл свой календарь и стал методично вписывать в него предстоящие встречи, переговоры, сроки поставок и выплат, поясняя каждое действие подробным комментарием. И так на много дней вперед. Через три часа он работу закончил, и Петрович повез молодого шефа домой. Выходя из машины, бизнесмен попросил водителя съездить в Уголок Дурова и купить самые дорогие билеты.

– Потом возвращайся, отвезешь нас и до конца представления свободен. Можешь смотаться к жене, пообедать, или куда хочешь.

Отпустив Петровича, Николай поднялся к себе.

– Папа пришел! – радостно закричал Никита.

Маша, в праздничном платье и фартуке, сняла с мужа пиджак и повела к столу. За кофе Грыжин заметил, что жена с интересом разглядывает его, когда думает, что он, погрузившись в чашку, этого не видит. Раньше он и вправду ничего не замечал. Не замечал, во что одета Маша, не понимал, занятый своими мыслями, что кладет в рот. Но теперь все было по-другому. Нервы у Грыжина обострились, и ни одна мелочь не ускользала от его внимания. «Сколько раз мне еще удастся пообедать в кругу семьи? Десять? Двадцать? Или пять?»

Петрович точно исполнил поручение. Чета Грыжиных сидела в первом ряду и не только видела, но и носом ощущала присутствие четвероногих артистов.

– Папа, чуешь, медведями пахнет?! – восторженно сообщил Никита.

– Еще как чую, – ответил отец и переглянулся с женой. Маша понимающе улыбнулась.

На сцене два взрослых медведя с медвежонком изображали человеческое семейство. «Отец», наряженный в жилетку, старательно вылизывал огромную деревянную миску. Медвежья «мама» в косынке и фартуке возилась с медвежонком, который норовил залезть в отцовскую миску. Когда медведица деловито нашлепала малыша, зал восторженно зааплодировал.

Большую часть зрителей составляли дети, но и родители получали не меньшее удовольствие. И лишь Николаю, погруженному в тягостные мысли, сосредоточить внимание на сцене не удавалось. Наблюдая, с каким восторгом сын смотрит на нехитрые трюки со зверюшками, молодой отец с грустью думал, что скоро его Никитка сделается сиротой. «Почему я мало общался с сыном? Как Никита вырастет без отца? Маша должна выйти замуж за хорошего человека. Надо будет тактично намекнуть ей об этом».

Николай решил сегодня же вечером серьезно поговорить с женой. Но как это сделать, пока не знал. Он посмотрел на профиль Маши, на завиток ее волос, который в свете прожектора мерцал золотом, и отвернулся. Сказать правду – начнутся слезы, жалостливые взгляды, тревожный шепот за его спиной. Всего этого Николай категорически не хотел. Он решил уехать, да так, чтобы близкие считали его поездку обыкновенным отпуском.

– Папа, смотри! Лисичка на спине петуха тащит. Во потеха! – закричал Никита и затопал от восторга.

– Здорово, – согласился Николай и заставил себя смотреть на сцену.

– Ты не заболел, милый? – с тревогой шепнула Маша и взяла мужа под руку.

– Нет. С чего ты взяла?

– Значит, опять о работе думаешь. Лучше на сына полюбуйся. Видишь, в каком он восторге.

Никита поедал сцену широко раскрытыми восторженными глазами. В следующем номере Пат-рикеевна обслуживала птичий двор. Куры и утки спокойно пощипывали своего смертельного врага за хвост, вовсе не опасаясь попасть лисичке на зуб. Грыжин смотрел на зверей, но не видел их. Он снова углубился в свои невеселые размышления. Предстоит трудный разговор с Аксеновым. Николай уважал Ивана Вячеславовича и был благодарен ему за доверие. Тот поддерживал все замыслы младшего Грыжина и откровенно восторгался способностями заместителя. Ни горечи, ни зависти к молодому удачливому коллеге у Аксенова не наблюдалось. Николай это понимал и ценил. Для Аксенова его отсутствие может оказаться очень тяжелым испытанием. Не запил бы старик опять, забеспокоился молодой человек. Он поймал себя на мысли, что обдумывает свой уход, словно дело касается не его лично, а кого-то совсем другого, постороннего. Словно он решает деловую задачу: как вывести из жизненного круга основного работника с наименьшими затратами для окружающих близких людей.

– Коля, какой же ты последние дни хороший, – прошептала Маша и склонила голову мужу на плечо. – Ты теперь всегда такой будешь?

– До смерти, – пообещал Николай и грустно улыбнулся.

– Погляди, как Никита счастлив, оттого, что ты нашел для него время. Отец для мальчика кумир.

Грыжин кивнул и подумал о своем отце. Он предполагал, что после гибели Сони потеря сына может того сломить, но помочь ничем не мог. Материально Грыжин-старший не нуждался. Он получал генеральскую пенсию и неплохо зарабатывал в бюро Ерожина. К тому же потребности генерал имел весьма скромные. Кроме армянского коньяка «Ани» никаких дорогих пристрастий с молодости не нажил и был готов, вовсе не страдая от скудности меню, довольствоваться вареной колбасой и яичницей. На все «шалости» у Ивана Григорьевича средств хватало с избытком. Деньгами ему помогать не надо, а для отцовского сердца сын ничего успокоительного предложить не мог. Он только хотел, чтобы близкие проводили обо всем, когда его уже не будет. Гораздо страшнее ждать, чем узнать внезапно, рассудил Николай.

Представление закончилось, и маленькие зрители, увлекая родителей за собой, понеслись к выходу. Николай взял Никиту на руки и вынес в холл. Маша держала мужа за рукав пиджака, опасаясь потерять его в толкучке. Наконец они благополучно выбрались на улицу. Грыжин на время спектакля отпустил Петровича, но старый служака его щедростью не воспользовался, машина стояла на прежнем месте. Он мог за полтора часа без труда подвезти пяток клиентов и положить в карман приличные деньги. Машина в Москве превратилась в дорогое удовольствие, и на служебной «Волге» шофер имел возможность неплохо подработать. Но Петрович считал себя членом семьи Аксеновых и о халтуре, полагая ее воровством, не помышлял.

По дороге Никита забрался отцу на колени, продолжая переживать представление. Николай отвез семью домой и, на прощанье поцеловав сынишку, крепко прижал его к себе:

– Ты же у меня взрослый. Скоро будешь маму защищать.

– От киллеров? – обрадовался Никита.

– Ну и от них, – не стал развивать тему Николай.

– А ты мне пистолет купишь? Или перчатку, как у Человека-паука.

– Надо подумать...

– Папа, а мы в Уголок Дурова завтра пойдем?

- Никита, мы же сегодня все видели. – Николай даже растерялся.
- Ну и что? Давай пойдем еще, уж очень там круто.
- Поглядим... – неопределенно промычал отец, опустил мальчика на ковер и быстро направился к двери.
- Не перекусишь? – с надеждой предложила Маша.
- Нет, милая. Лимит времени исчерпан.
- Хоть к ужину ждать? – улыбнулась женщина. Но глаза ее смотрели с тревогой.
- Что-то чувствует, понял Грыжин.
- Насчет ужина не скажу, но поздно не задержусь, – успокоил он супругу и, не дожидаясь лифта, побежал вниз по лестнице. Петрович успел развернуться. Грыжин забрался на заднее сиденье и, откинувшись на спинку, замер.
- Куда теперь, Коля? – нарушил молчание Петрович. Грыжин не отвечал. Петрович повторил вопрос и повернул ключ зажигания.
- Не знаю...
- Старого водителя так удивил ответ шефа, что он на минуту лишился дара речи и заглушил движок. Молодой хозяин обычно кроил свой день поминутно. Даже секундная стрелка на его «Ориенте» не была лишней деталью. И вдруг «не знаю».
- Что ты сказал, Коля? Прости, я не понял... – растерянно переспросил Петрович. Николай промолчал и позвонил по мобильному Аксенову.
- Иван Вячеславович, вы уже пообедали?
- А ты, Коля, где? – отозвался генеральный директор.
- Я в городе. Сына водил в Уголок Дурова. Если вы еще не обедали, мы бы могли встретиться, ну, скажем, в Пекине. Там днем тихо и кормят интересно.
- Не возражаю, – не без удивления согласился Аксенов. Они хоть и работали вместе больше двух лет, но подобного предложения генеральный директор от своего молодого зама раньше не получал.
- Подбросишь меня на площадь Маяковского И свободен, – распорядился Николай.
- Сделаем. – И Петрович плавно тронул с места.
- Грыжин ехал на встречу с Аксеновым и силился понять: как же это он раньше упускал возможность поболтать с Никиткой? Сходить с ним куда-нибудь? Ну хоть в тот же Уголок Дурова семь раз в неделю, раз пацану хочется. Это ведь такое счастье, гладить мальчишку по голове и знать, что придет завтра, потом послезавтра и так много лет, пока сын не вырастет и не станет мужчиной. Как здорово дожить до старости и дожидаться внуков. Они бы с Машей постарели и гуляли по дачным аллеям, пили на террасе чай из отцовского самовара и высматривали в окно взрослых детей из города. Почему я лишен всего этого?
- Коля, ты что-то сказал? – насторожился Петрович и притормозил.
- Нет, ничего. – Грыжин тряхнул головой и сообразил, что они уже на площади Маяковского. Он попрощался с водителем за руку и направился к «Пекину».
- «Форд» Аксенова уже припарковался. Николай вошел в вестибюль и увидел генерального директора возле зеркала. Аксенов причесывался.
- Я опоздал? – забеспокоился Грыжин и поглядел на часы.
- Нет, ты, как всегда, точен. – Аксенов улыбнулся. – Будем отмечать казахстанскую нефть?
- Просто решил перед отпуском доложить обстановку на фирме, – спокойно ответил Грыжин. Генеральный директор обнял своего заместителя за плечи, и они отправились в зал.
- Лягушками станешь потчевать? – предположил Аксенов, усаживаясь за стол.
- Не волнуйтесь, тут есть и вполне нормальная еда, – успокоил Николай, принимая из рук маленькой китайки тисненую папку с меню.
- Тогда выбирай по своему усмотрению, – заявил Иван Вячеславович и огляделся.

В китайском ресторане он прежде не бывал и диковинные росписи с драконами и райскими птицами на стенах ему были любопытны. Закуски из молодых побегов бамбука и странно выглядевших куриных яиц оказались вполне съедобными. А свинина, нарезанная тонкими ломтями, перемешенная с золотистым луком, даже вкусной. Мужчины выпили по рюмке рисовой водки и закусили.

– Я уеду, и вам самому придется проследить, чтобы казахи вовремя сливали нефть в трубу. Они должны это делать в начале каждого месяца, не позднее десятого числа. И так весь квартал, – предупредил Грыжин.

– Сейчас как раз начало месяца, и ты можешь отследить первую поставку сам. А к следующей порции, надеюсь, ты уже успеешь отдохнуть и вернешься, – вытирая рот белоснежной салфеткой с золотыми иероглифами, возразил Аксенов. Он уже привык наблюдать за работой заместителя со стороны и большого желания менять привычку не испытывал.

– Это на тот случай, если я запоздаю, – ответил Грыжин. Иван Вячеславович поставил на стол рюмку, которую уже было собрался опрокинуть, и удивленно уставился на заместителя:

– Коля, что происходит? Ты собираешься отдыхать больше месяца?

– Это так, на всякий случай, – повторил Грыжин.

– Нет, ты, конечно, имеешь право, два года без отпуска. Но все контракты в твоих руках. Представляешь, что может случиться, если тебя так долго не будет?!

– Я вписал график работы в календарь. Там и телефоны партнеров, и порядок расчетов по текущим контрактам. Вам надо только открыть его, и вы все поймете, – продолжал Николай, стараясь не замечать беспокойства в голосе шефа.

– Нет, ты мне скажи, когда намерен вернуться? – настаивал Аксенов.

– Иван Вячеславович, я же сказал: на всякий случай. Все мы живые люди. Представьте, что мой самолет упадет. Я обязан оставить вас в курсе событий на фирме.

– Да, я понимаю, – ответил генеральный директор своему заму, хотя и его тон, и выражение лица говорили об обратном. – Но хотелось бы знать, когда ты вернешься из отпуска.

– Давайте выпьем. Что вы поставили рюмку? – ушел от ответа Грыжин.

Мужчины чокнулись.

– За твой отдых, – выдал тост Аксенов. Но особого оптимизма в его голосе не прозвучало.

– И за вас, Иван Вячеславович. Уверен, вы прекрасно и без меня справитесь...

Аксенов выпил и покосился на молодого коллегу, необычное поведение которого начало его всерьез тревожить. Иван Вячеславович припомнил недавний завтрак с Грыжиным-старшим, когда тот приехал на студень матушки. Вспомнились слова старого друга о том, что вид сына ему не понравился. А теперь этот странный разговор... Неприятное подозрение кольнуло Аксенова:

– Уж не решил ли ты сменить работу, Коля? Конечно, ты взрослый, талантливый мужик и вправе поступать, как сочтешь нужным. Тогда скажи честно. Мы же не чужие. Для меня это, конечно, новость тяжелая, но что делать? Каждый волен жить своим умом, только не надо темнить с близкими людьми.

– С чего вы взяли? От вас я могу уйти лишь на тот свет, – горько отшутился Грыжин.

– Ну тогда кончай меня стращать и наливай, – облегченно вздохнул Иван Вячеславович, не подозревая, что в шутке молодого зама и содержится ответ на вопрос о странностях в его поведении.

Николай чокнулся с Аксеновым и залпом выпил.

– Вы меня подвезете до дому? Хочу с женой и мальчишкой перед отъездом побыть, – попросил он, когда они вышли из ресторана.

– А ты едешь в отпуск без жены? – удивился Аксенов и, подозрительно покосившись на Николая, добавил: – Уж не завел ли ты себе бабу?

– Не завел. Просто хочу побыть один. Да и Ни-китку таскать по гостиницам не хочется.

«Форд» лихо подкатил к дому Грыжина. Иван Вячеславович вышел из машины и крепко пожал Николаю руку:

- Возвращайся поскорей, Коля. Без тебя на фирме тоскливо.
- Постараюсь, – ответил Грыжин и, не выдер-обнял Аксенова.

Перед тем как вызвать лифт, Николай достал из кармана платок и приложил к глазам. Он никогда раньше не ощущал в себе склонности к сентиментальным порывам, но сегодня, думая, что прощается с шефом навсегда, слезу сдержать не смог.

Маша ждала мужа у накрытого стола.

– Как хорошо, что ты не задержался до ночи. Я боялась, что перед отпуском затеешь проводы на фирме, загуляешь. Садись ужинать.

– Машенька, я только из ресторана. Мы с Иваном Вячеславовичем отобедали в «Пекине». Надо было ему кое-что по делу сказать. А где Никитка?

– Я сына бабушке на ночь отвезла. Думала провести последний вечер с тобой вдвоем. – Маша виновато улыбнулась и залилась краской. Николай внимательно оглядел жену, отметил новую короткую юбку и прозрачную кофточку, поднял ее и понес в спальню. – Ой, так сразу... Может, немного за столом посидим? – засмущалась Маша.

– Потом... – он нежно поставил ее на ковер возле кровати, осторожно, не торопясь, раздел и уложил на постель. Затем не спеша разделся сам.

– Коля, ты какой-то не такой последнее время? – тихо сказала Маша.

– Это хорошо или плохо? – спросил Николай, устраиваясь под одеялом рядом с женой.

Ответить она уже не смогла. Муж жадно и сильно стиснул ее в своих объятиях. Так он брал Машу только в первые месяцы их брака.

– Ты бешеный... – еле слышно проговорила женщина, закрыла глаза и еще тише добавила: – Хоть бы свет погасил.

– Не надо. Я хочу тебя всю видеть, – прохрипел Николай и принялся жадно целовать ей рот и грудь, прижимая к себе ее живот и бедра. Затем приподнял, поставил на колени.

Он любил жену долго и неистово, словно юный любовник, едва дождавшийся момента близости с любимой. Маша послушно позволяла ему все. Наконец Николай успокоился и, уложив голову жене на живот, затих. Так они пролежали несколько минут.

– Завтра ты уедешь, и я останусь одна, – грустно сказала Маша и погладила мужа по щеке. – Когда-то мы отдыхали вместе...

– Ты должна уметь обходиться и без меня. Представь, если я попаду в автокатастрофу или меня закажут. Теперь жизнь жесткая... – то ли в шутку, то ли всерьез ответил Грыжин.

– Зачем ты так говоришь?! Я без тебя не хочу. Я без тебя умру.

– Что значит умрешь? – Николай приподнял голову и строго посмотрел супруге в глаза: – А мальчик? Что же, оставишь Никитку круглым сиротой? Так не годится. Если со мной что-нибудь произойдет, ты обязана жить. Жить и за хорошего человека замуж выйти.

– Ты меня специально доводишь перед отъездом? – На глаза Маши снова навернулись слезы.

– Нет, но раз уж такой разговор зашел, ты должна знать, что я об этом думаю. Все мы смертны. – Он вытер ей краем пододеяльника глаза и поцеловал. – Не надо плакать, Машка. Я тоже тебя очень люблю.

– Тогда не смей меня пугать! – попросила Маша и сквозь слезы улыбнулась.

– Я сказал то, что считал нужным. Постарайся запомнить мои слова. Больше я об этом говорить не буду, – пообещал Николай и опять набросился на жену.

– Ты, правда, бешеный... – прошептала Маша, крепко обнимая мужа.

...Тихон Андреевич Глухов проснулся от надрывного лая соседского пса, сеттерихи Герты, и от белизны. Окна его небольшой комнатки выходили на подстриженную лужайку, и

за ночь зеленый газон превратился в белоснежную скатерть. «Рановато для снежка. На дворе начало октября, а тут все белое», – подумал сторож и стал одеваться.

К звенящей тишине вокруг Глухов давно привык и непрекращающийся лай Герты его раздражал. Собаку пожилой отшельник недолюбливал, потому что она пугала его друзей. Сторож месяцами обитал на огромной даче один, так как хозяева предпочитали большую часть года сидеть за границей, но от одиночества не страдал. Его каждый день навещали знакомые, и хоть они не умели говорить на человеческом языке, их доверчивое отношение и тихая привязанность старика согревали.

Основных посетителей насчитывалось трое. Самой симпатичной из этой компании была белка Тошка. Она каждое утро по высокому забору обходила участок дачи, перепрыгивала на яблоню, затем на огромный куст жасмина, после чего, внимательно оглядевшись, подергивала хвостиком и, не обнаружив опасности, спускалась на газон. На террасе Тошку всегда дожидалось угощение. Причем лакомство на деревянной хозяйственной доске для разделки овощей ежедневно менялось. Сегодня Тошку ожидала горстка кедровых орешков.

Кроме белки, к старику прилетала ворона по кличке Варвара. Она была хитра и развязна. Поняв, что сторож ничего против нее не замышляет, она нагло усаживалась на стол, бочком подсакивала к Глухову и норовила спереть кусок из его тарелки. Тихон Андреевич пытался обучить ворону нескольким словам, памятуя, что когда-то слышал о способности этих птиц к имитации человеческой речи. Но Варвара, получая корм даром, говорить не желала. Обычно ворона прилетала раза три в неделю и надолго не задерживалась.

Это были дневные посетители. А по вечерам на террасу к сторожу являлся Гаря, ежик. Гаря для своей породы был огромен, имел внушительные признаки мужского пола, стучал коготками по доскам террасы и громко чавкал возле мисочки с молоком. Когда Тихон приближался к ежу, тот угрожающе тукал, тряс иголками, но от миски не отходил и сворачиваться клубком не собирался. Соседская легавая для друзей сторожа представляла смертельную опасность, и именно поэтому он собаку недолюбливал.

Тихон Андреевич еще раз глянул в окно на заснеженный газон, вышел в холл и обул резиновые сапоги. Герта продолжала брехать, и Глухов поморщился. Оказавшись на террасе, старик посмотрел на доску с орешками и понял, что его приятельница уже успела позавтракать. Беличьи следы отчетливо проступали на девственном снежке, покрывшем лужайку.

На улице лай легавой звучал еще настырнее. Глухов удивился, что она брешет вовсе не на своем участке, а на берегу речки. Эта была самая безлюдная и мрачная часть писательского поселка Переделкино. Высокие покосившиеся от времени заборы огромных старых участков спускались к зарослям ольхи, в которых и петляла речушка. Летом у воды бывало много народу, и бережок официально величался «зоной отдыха». Но поздней осенью, зимой и весной тут, за исключением заядлых рыбаков, человека не встретишь. Речушка впадала в знаменитый переделкинский пруд, из которого в нее заходил карась.

В такой холод, да еще при первом снеге караси-ки не клюют. Наверно, на Тошку брешет, решил Глухов и отправился на звук собачьего голоса. Он испугался за рызгего друга, представив, что легавая загнала Тошку на одинокое дерево, и белка не может уйти. Но догадка Глухова не подтвердилась. Герта брехала из частого кустарника в самом непроходимом овражке берега. Тихон Андреевич миновал вязкий от мокрой глины проселок, образованный в летнее время легковушками отдыхающих, осторожно спустился в скользкий овражек, раздвинул заснеженные ветки и шагнул в глубь кустарника.

Собака сидела возле завалившейся ольхи и не переставая лаяла. От остервенения с ее пасти свисала белая пенная слюна. Глухов подошел ближе и увидел на земле голого мужчину. Его волосатое обнаженное тело кое-где покрывал снежок. Старик понял, что видит труп, поскольку на живом человеке снег бы не удержался. Мужчина лежал лицом в землю, но что это не хозяин Герты, Глухов не сомневался – владелец соседской дачи уже месяц лечился в

санатории. К тому же отставной дипломат Дорохов был стар, толст и мал ростом. А перед Глуховым лежал вполне прилично сложенный, еще не старый мужчина. Тихон Андреевич поспешил назад и позвонил в милицию.

... – Наверное, Петро, ты мудака, – раздумчиво заключил Грыжин и сморщился. Ерожин не понял, чем вызвана гримаса генерала. То ли его решением пойти работать на Петровку, то ли долькой лимона, которой Иван Григорьевич закусил порцию любимого коньяка.

Они сидели в кабинете бывшего замминистра, давно ушедшего в отставку, два мужика, много лет знавшие друг друга, ставшие за эти годы ближе, чем некоторые родственники. И каждый понимал, что говорит не о том.

– Ты, батя, считаешь, что надо было отказаться? – поинтересовался Ерожин и тоже глотнул из фужера. Он в последнее время все чаще называл старшего друга батей.

– Ничего я не считаю, – проворчал Грыжин. – Факт констатирую.

Мужчины помолчали.

– Трудно Никите Васильевичу отказать. Взял меня за горло, – нарушил паузу Петр.

Он знал, что сейчас бы надо крикнуть старому генералу: «Не волнуйся! Разберемся мы с твоим Колей». Но настоящие слова каменели в горле.

– Все понимаю, Петро, но как же наша работа? Как сыскное бюро? Совмещать у тебя не будет ни времени, ни юридического, да и морального права. Придется бюро закрыть. Сам подумай, на какую работу подписался? Дыхнуть некогда будет. Вот уж Надюху огорчишь.

– Я жене отзвонил. Надя сказала, поступай, как сочтешь нужным, – возразил Ерожин.

– Ну а что она тебе скажет? Девочка тебя любит. Ты ее намного старше. Она на тебя глядит распахнутыми от восторга глазами и уверена, что ты самый умный. А ты мудака, – повторил свой нелестный эпитет Грыжин и плеснул коньяка Ерожину и себе. Петр не ответил. Он молча проследил, как Грыжин с тоской изучил опустевшую бутылку «Ани», упрятал ее под стол, обиженно сопя. – Чего молчишь?

– Бюро закрывать не будем. Ты, батя, станешь директором, Глеба запряжем по первой программе, а я буду вас консультировать... – предложил Ерожин.

– Нет, в директора не пойду. Я в начальниках свое уже отпахал. Считаешь, что парень справится, назначай директором Глеба. Хотя без тебя мы долго не продержимся. Заказчик идет к подполковнику Ерожину, – ответил Грыжин и, вдруг не выдержав, заговорил о главном: – Но больше всего мне обидно, что с сыном ты мне, Петро, не помощник. Чую, беда у Николая. Ты бы раскрутил. Но начальнику отдела по раскрытию убийств на Петровке не до родственников пенсионера Грыжи-на. Ладно, давай по последней, – закончил генерал и поднял свой бокал.

– Ну зачем ты так, Григорьич? Разберемся с Колей. Может, там все не так страшно. Не обязательно он в отпуск, как в бега, ушел. Просто устал мужик. На нем два года большая фирма. Это нагрузка жуткая.

Грыжин, не прикоснувшись к коньяку, поставил бокал на стол, поднялся с кресла и отомкнул сейф.

– Вот, полюбуйся. Просил вскрыть после смерти. Ты в тридцать пять лет завещание писал? О смерти думал? Ты о бабах думал, кобель паршивый, – крутя в руках конверт, выговаривал генерал.

– Я совсем другой человек. Твой Коля представитель нового поколения. Он мыслит трезво, как компьютер. Вот и написал на всякий случай. Теперь самолеты часто падают.

– Нет, Петро, ты мне лапшу на уши не вешай. Староват я для этого блюда. Неспроста Колька мне конверт всучил. Ты должен понять. Дочь я потерял, сына потеряю – мне какую, – горестно возразил генерал и одним глотком опустошил бокал. Ерожин тоже пригубил коньяк, встал и зашагал по кабинету.

– Хорошо, Григорьич, давай прикинем, что мы имеем на Колю. Завещание – раз. По твоим словам, мой тестя, Аксенов, тоже обеспокоен последней беседой с Николаем. Это два.

Однако ведь беспокойство Ивана Вячеславовича возникло из-за дотошности заместителя, расписавшего надолго вперед режим работы фирмы. Так?

– Так.

– И это все факты на сегодняшний день. Но если принять во внимание характер Николая, его педантичность, объяснить такое поведение несложно. Фактически он давно сам руководит фирмой. Управленческие возможности своего генерального оценивает трезво. Аксенов сидит в кресле, как свадебный генерал. Оставшись без зама, Иван Вячеславович вполне способен наломать дров. Этим и объясняется дотошность Николая. Не вижу повода для паники. Если честно, мне не по душе другое. Почему Николай поехал в отпуск один? Почему не взял с собой жену и ребенка? Ты говоришь, что жену и Никитку Коля любит. Но отпуск без семьи в эту схему не пишется. Или твой сын завел себе девчонку...

– Не путай, Петро, божий дар с яичницей. Не суди по... некоторым кобелям, – перебил Грыжин.

– Или решил в одиночку провернуть какое-то рискованное дело, – продолжил Ерожин, пропустив мимо ушей прозрачный намек генерала.

– Тоже не верю. Коле рисковать в одиночку резона нет. Аксенов делает все, что сын сочтет нужным.

– Возможно. Но если предположить, что Николай не захотел рисковать капиталом фирмы, а, соблазнившись на рискованный проект, вложил личные деньги. Что скажешь, батя? Ведь он снял двадцать пять тысяч с фирмы. И мы не знаем, не снял ли он все свои личные сбережения со счета в банке.

Грыжин задумался. Логика в версии Ерожина имелась, и некоторым образом объясняла и внезапный отъезд молодого человека, и двадцать пять тысяч, вынутые им из фирмы, и даже конверт. Но отцовское сердце этой версии противилось.

– Логично, Петро. Но не верю. Я Коля и я знаю, не пойдет он на авантюрные трюки. Слишком рационален.

– Если, честно, Григорьич, я и сам не верю. Но пока фактов мало. Может, распечатаем конверт?

– Не могу, Петро. Понимаешь, мне и самому хотелось. Я раз двадцать этот проклятый конверт из сейфа вынимал. И понял, не могу. Как я Коле потом в глаза посмотрю?! Мы ведь мужики все-таки...

– Понимаю, батя. Обещаю тебе завтра же заняться этим делом.

– Завтра ты приступаешь к службе, – покачал головой генерал.

– Я, Григорьич, найду время. – Подполковник улыбнулся и, обняв старика, начал прощаться.

– Думал, ты у меня заночуешь, – разочарованно протянул Грыжин. – Надьки-то нет, зачем тебе ехать в пустую берлогу?

– Трудный день предстоит. Давно не служил, – объяснил Ерожин. – Хочу подготовиться к встрече с коллективом.

– Ну ни пуха. Если откровенно, я за тебя, Петро, рад. Можешь еще на державу поработать. – И Грыжин подтолкнул младшего друга к двери.

Усевшись в машину, Петр Григорьевич откинулся на подголовник и прикрыл глаза. Ему и самому хотелось остаться у Грыжина, но... Говорить старику успокоительные слова, не разобравшись в деле с сыном, он не мог. Слишком близким человеком стал за эти годы для Ерожина старый генерал.

Подполковник взглянул на часы. Стрелки показывали половину одиннадцатого. Петр Григорьевич завел двигатель и рванул с места. Пять минут назад он еще был уверен, что отправится домой, а покатиł совсем в другую сторону.

В шестнадцатизэтажной башне на Лесной Ерожин бывал всего один раз, но, имея феноменальную зрительную память, дом отыскал сразу. Арочный подъезд смотрелся солидно, а стальная массивная дверь с иностранным кодовым замком выглядела и вовсе неприступной. Сыщик не запомнил номера квартиры, но знал, что она находится на пятом этаже справа от лифта.

Пока он раздумывал над способом проникновения в подъезд, дверь резко открылась, едва не стукнув его сталью в лоб. Широкий жест принадлежал высокому молодому господину, который в компании с двумя молодыми людьми и шикарной девицей покидал здание. Все выходявшие пребывали навеселе и громко смеялись шутке, сказанной, видно, кем-то из них еще там, внутри. Ерожин понял, что компания возвращается из гостей, и, не теряя времени, боком проник в дом. В холле имелось помещение для консьержа, но комнатка пустовала. Ерожин вошел в лифт и нажал пятую кнопку.

Дверь в квартиру тоже защищала сталь. Петр Григорьевич позвонил. Реакции не последовало, и он нажал на звонок еще раз. Наконец внутри послышалась возня, и женский голос с тревогой спросил:

– Кто?

– Маша, не бойся. Это Петр Григорьевич Ерожин, друг и сослуживец твоего тестя. Мы несколько раз встречались у генерала, в Казарменном переулке.

Дверь раскрылась и оказалась двойной. На пороге стояла Маша Грыжина и с испугом взирала на незваного гостя.

– Что-то с Колей? – еле слышно прошептала она и побледнела.

– Не волнуйся. Я о твоём муже знаю меньше, чем ты. Можно войти?

– Конечно, только потише. Никитка уснул. Я его насилу уложила, – предупредила Маша и, заперев за Ерожиным дверь, повела сыщика в комнату.

Квартира Грыжина-младшего отличалась дорогим аскетизмом. Мебели Ерожин обнаружил немного, но кресла и диван гостиной манили желтоватой лайкой, и Петр Григорьевич, еще перед тем как усесться, ощутил их мягкость и комфорт. Огромный экран японского телевизора утопал в нише. Единственным декоративным предметом в гостиной был огромный красноватый ковер.

– Вас покормить? – просто спросила Маша. И от этого ее домашнего тона и простоты Ерожину стало легко и уютно.

– Нет, Машенька. Я только что от Ивана Григорьевича, а генерал голодными друзей не отпускает, – с улыбкой отказался подполковник. – Я, собственно, и потревожил тебя из-за Николая. Иван Григорьевич не понял, почему твой муж так внезапно собрался в отпуск. Стarik волнуется, вот я и решил вас навестить. Уверен, ты прекрасно знаешь, в чем дело.

Маша сперва уселась в кресло напротив, но, выслушав гостя, внезапно вскочила и заплакала. Ерожин растерялся, тоже вскочил и, положив Маше руку на плечо, попытался ее успокоить.

– Не надо плакать. Если Николаю что-нибудь угрожает, мы ему поможем. Только помоги разобраться, в чем дело. Мы же без пяти минут родня. Я Грыжина-старшего почитаю за отца, выходит, Коля мне как брат, – проникновенно произнес Ерожин. Маша перестала плакать, но плечи ее продолжали вздрагивать, и женщина непроизвольно прижалась к подполковнику.

– Я ничего сама не понимаю. Не понимаю и боюсь, – прошептала она.

– Садись и все мне расскажи, – попросил Ерожин и повел Машу к дивану. Та послушно позволила себя усадить. Подполковник уселся рядом и, поглаживая ее по спине, словно ребенка, ласково приговаривал: – Вот и хорошо, девочка. Вот и хорошо...

Маша перестала дрожать и немного успокоилась. Через полчаса Петр Григорьевич знал все, что тревожило молодую супругу Николая.

– Он был в последние дни очень нежный. Он такой был в первые недели после свадьбы, – призналась Маша и густо покраснела.

Ерожин невольно ею залюбовался. Маша была красива той красотой, которая не бросается в глаза, но если мужчина к ней приглядится и немного с женщиной пообщается, равнодушным эта красота его не оставит. «Колька не дурак», – подумал Петр. Ему вдруг до боли захотелось поцеловать заплаканный рот, прижать к себе тонкие красивые руки молодой женщины. Он вздрогнул и на всякий случай немного отодвинулся.

– Мне было очень грустно, что Коля собрался в отпуск один, – не заметив порыва собеседника, продолжила свой рассказ Маша. – Я даже подумала, дура, не завел ли он себе кого... Но Коля был такой нежный, такой любящий, что я перестала его подозревать. Так притвориться мужчиной не может. Мы, женщины, это чувствуем...

– Тогда почему ты плакала? – не понял сыщик.

– Он со мной прощался не так, как прощаются при коротком расставании. Он прощался, как прощаются на всю жизнь, – ответила Маша и расплакалась снова.

– Николай не сделал никаких распоряжений перед отъездом? – Ерожин решил, что вопросы по делу, скорее приведут молодую хозяйку в чувство. Да и ему было легче не поддаваться соблазну, выдерживая более официальный тон.

– Коля сказал, чтобы я о деньгах не волновалась. Он все коммунальные платежи оплатил, а мне оставил пять тысяч долларов на расходы, – припомнила Грыжина.

– И на какой же срок он их оставил? Ты что, тратишь на жизнь пять тысяч в месяц?

– Что вы! – Маша снова покраснела. – Я трачу около восьмисот долларов, иногда немного больше. И не только на еду, у нас дорогой подъезд, охрана, уборщица.

«Охрана», – усмехнулся про себя Ерожин, припомнив пустующее место консьержа.

– Можно мне взглянуть на коммунальные платежи?

Маша встала и тихо вышла. Вернулась она минут через пять, неся в руках папку:

– Все здесь.

Ерожин раскрыл кожаную обложку и увидел кипу квитанций. Он достал очки и углубился в их изучение. Маша молча ждала, стоя рядом.

– Садись, Машенька. Мне неудобно сидеть в присутствии женщины, когда та на ногах. – Он улыбнулся и добавил: – Да еще на таких красивых. – Маша, не обратив внимание на комплимент, послушно уселась в кресло.

– Скажи, у Николая нет еще одной фирмы, где-то за рубежом? Может, он уехал поработать в другую страну, но не хотел, чтобы об этом знали, – предположил Ерожин, изучив бумаги.

– Почему вы так думаете? – растерялась Грыжина. Подобная мысль ей в голову не приходила.

– Потому что твой муж. оплатил коммунальные услуги на пять лет вперед, – ответил Ерожин, возвращая папку хозяйке.

– Ничего не понимаю...

– Николай сообщал, когда намерен вернуться? – наседал Петр.

– Недели через три...

– Он сам назвал этот срок?

– Нет, но и так ясно. В отпуск больше чем на месяц не ездят, – вымолвила она, продолжая взирая на гостя округлившимися от страха глазами.

– Спасибо, Машенька. – Ерожин вдруг заторопился.

– Уже уходите?

– К сожалению, – вполне искренно признался сыщик.

– А я?

– Ложись спать и ни о чем плохом не думай.

По дороге домой подполковник с гордостью отмечал, что генерал Грыжин в кобелизме обвинял его напрасно. Петр Григорьевич Ерожин на этот раз сумел себя побороть.

Света Маргулина в длинном, до пят, бархатном халате устроилась с ногами на постели и смотрела телевизор. Показывали детективный сериал, но молодая женщина за сюжетом не следила: пропустив предыдущую серию, она уже не понимала, кто, кого и за что убивает. Впрочем, Света не всегда улавливала смысл, даже когда смотрела сериалы подряд. Маргулина знала за собой такую слабость и предпочитала смотреть кино со своим милым. Валя терпеливо разъяснял возлюбленной, что происходит на экране, и ей тогда было интересно. Но неделю назад они с Валентином Аркадьевичем, поссорились, и он ушел, хлопнув дверью.

«Да, я простая медсестра, а он заместитель главного врача. Но если я ему не пара, нашел бы себе бабу пообразованней и трахал ее». Света обиженно скривила губы. Ссора возникла без видимой причины. Однако размолвки между любовниками обычно так и начинаются. Важно, насколько они часты. Если милым сладко в постели, а в быту они часто раздражаются друг на друга, раздражение накапливается, и, когда его критическая масса превысит норму, негатив переходит и на постель. А там и до разрыва недалеко. Это как сахар в крови. В некотором количестве он присутствует у всех и даже необходим, но если сахар начинает превышать допустимые пределы, возникает болезнь. Проработавшая семь лет медсестрой Маргулина такие вещи понимала.

Она смотрела на экран и вспоминала тот злосчастный вечер. Начался он прекрасно, и ничто не предвещало ссоры. Они вместе возвращались с работы. По дороге набрали в универсаме продуктов и напитков. Когда вышли на улицу, Валя остановил такси. Света любила поесть, и тяжелый пакет с вкусной провизией наполнял ее нутро приятным предвкушением обильного ужина.

Валя сидел на кухне и смотрел, как она готовит. Света чувствовала его взгляд и старалась сделать свои движения привлекательными. Валентину нравилась ее полнота, она ее вовсе не стеснялась и была права. Тощие долговязые девицы с сексуальными губищами из модных журналов, сфотографированные по обыкновению с оскалом улыбки – мечта юнцов, выращенных на рекламном общепите. Мужчины посolidнее по-прежнему не оставались равнодушными к объемным прелестям. Такие поглядывали на Свету с заметным мужским интересом. К тому же, несмотря на пышность форм, Маргулина отличалась легкой походкой, и пластика движений у нее была мягкая, кошачья.

Валентин встал, подошел к ней сзади и обнял. Света кокетливо попросила не мешать, но резонное замечание о том, что кулинару, когда тебя держат за сиськи, трудно, результат не принесло. Любовник забрался под блузку, привычным движением расстегнул на спине нехитрый замочек и прижал ее к себе. Маргулина вздохнула, поняв, что ужин откладывается, выключила газ, и они перекочевали в спальню. Валентин жадно и быстро получил, чего добивался, Света еще раз вздохнула, уже с сожалением, что все позади.

Сейчас Маргулина не понимала, какая муха ее укусила, когда, подавая Валентину тарелку с отбивной котлетой, она вдруг заявила:

– Если ты относишься ко мне, как к шлюхе, я имею право на вознаграждение.

– Ты о чем, Светочка? – удивился Валя.

– О том. Через месяц возвращается Виктор, и мне придется из этой квартиры выкатываться. Брат – взрослый мужик и сам захочет баб водить. А где я буду тебя принимать? И вообще, ты со мной два года, а мы как сопливые малолетки. Решай, или мы создаем семью и ты покупаешь жилье, или ищи себе другую дуру.

Валентин Аркадьевич резко поднялся и, хлопнув дверью, исчез. Бывшие любовники каждый день виделись на работе, но доктор вел себя так, словно они обычные сослуживцы. Возвращаясь домой, Света без аппетита ужинала и ждала. Валентин не вернул ей ключи, а она

не спрашивала. Ключи оставались единственным предметом, связывающим поссорившихся любовников. Она томилась в ожидании, но он не приходил.

Вчера Маргулина написала заявление об уходе и сегодня в поликлинику не пошла. Место медсестры она могла найти себе в течение часа. Но решила немного отдохнуть и о новой работе пока не помышляла.

Фильм закончился, на экране замелькали титры. Светлана машинально пробегала глазами строки с фамилиями незнакомых людей. В конце создатели фильма благодарили организации и частных лиц за помощь. Ей запомнилась фамилия Сундуков, которому объявлялась особая благодарность. Она выключила телевизор, сбросила халат и спряталась под одеяло. Настроение было мрачное, вставать не хотелось. Молодая женщина натянула одеяло на голову и попыталась уснуть. Но мешали мысли о докторе.

Пять лет назад Валентин Аркадьевич развелся. Детей у него от брака не осталось, и холостой врач жил с матерью в двухкомнатной квартире. К маме он относился с необычайным почтением, и привести женщину на ночь позволить себе не мог. Пока брат Светланы, Виктор, не уехал, они встречались где придется. Первый раз Валентин Аркадьевич взял ее в своем кабинете, на кушетке для больных. Тогда Света не думала, что у них возникнут отношения. Просто постеснялась отказать заместителю главного врача. Потом они после работы часто занимались любовью в этом кабинете.

Когда в поликлинике возникла коммерческая деятельность, Валентин Аркадьевич посадил Светлану на справки для автомобилистов. За это она получила пятьсот рублей прибавки. Иногда Валентин тихо вкладывал ей в руку конверт с премиальными. Случалось, в конверте лежало больше тысячи. Светлана не понимала, это деньги от него лично или от их трудовой деятельности, но уточнять стеснялась. Она знала, какую зарплату получает заместитель главного врача, и никогда бы не заикнулась о покупке квартиры, но в последнее время у Валентина явно появились деньги. Однажды в гардеробе театра, шаря по карманам в поисках номерка, он выронил бумажник. Тот раскрылся, и она увидела тугую пачку зеленых купюр. Доктор Крапивников не был жмотом, но и щедростью не отличался. На день рождения он подарил любимой пуховый платок и несколько раз по праздникам – духи или туалетную воду. Зато кормил обильно. Их разлуке шла вторая неделя, а в холодильнике еще сохранилось кое-что из продуктов, что он привозил.

– И что на меня, идиотку, нашло? – укоряла себя Света. – Был мужик, продукты хорошие покупал, а теперь...

Подумав о еде, она ощутила голод и уже хотела подняться, но в это время с нее сдернули одеяло.

– Ой! – вскрикнула женщина и увидела перед собой доктора Крапивникова. Тот стоял над постелью при галстуке и с букетом роз.

– Почему на работу не вышла? – спросил он, жадно оглядывая ее обнаженное тело.

Встреча была бурной и долгой. Сегодня Валентин не спешил, и женщина ощутила в нем не только желание изголодавшегося за неделю мужика, но и нежность.

– Черт с тобой, давай поженимся, – проговорил он, откатываясь на край тахты.

– А жить где? – спросила Светлана, но счастливой улыбки не сдержала.

Валентин встал, подошел к стулу, где висел его пиджак, запустил руку во внутренний карман и добыл завернутый в газетную бумагу сверток.

– Держи свою квартиру. – И сверток полетел на тахту.

– Что это? – прошептала Светлана и с любопытством развернула газету. – Ой, доллары. Ой, как много!

– Я же сказал: квартира, – улыбнулся Валентин. Светлана с удивительной для ее полноты ловкостью вскочила на ноги и бросилась ему на шею.

– Свалишь, корова, – беззлобно проворчал доктор и снова увлек ее на ложе.

– Ну что, орлы, поработаем? – Ерожин оглядел своих подчиненных и, отметив искренний порыв на их физиономиях, улыбнулся.

– Так точно, товарищ подполковник, – ответил за всех Дима Вязов. Сотрудники отдела Никиты Васильевича Боброва Ерожин знал много лет, и знакомства как такового не требовалось. Но начать службу, не собрав в первое утро команду, было бы не правильно. Генерал Еремин ждал его в десять, и подполковник имел время побеседовать с ребятами. В кабинете не хватило стульев, и Коля Маслов приволок еще два из комнаты Тимофея Волкова.

– Вы, господа, меня знаете, я вас тоже, поэтому представляться друг другу нужды нет, а пить водку с утра не принято.

– Никита Васильевич в таких случаях заваривал чаек, – напомнил Ерожину майор Волков. Петр Григорьевич посмотрел на заварной чайник, прикрытый фетровой шляпой, выдвинул ящик, в котором полковник держал набор чайных коробочек, и покачал головой:

– В этом искусстве я профан. Никита Васильевич в чае толк понимал, от меня подобного умения ждать не приходится. А вот в деле постараюсь оказаться не хуже. Я очень уважаю полковника Боброва и занял это кресло по его настоятельной просьбе. Он никогда мне не отказывал, да что вам говорить, все происходило на ваших глазах. Не смог отказать и я ему. Вот мы и вместе. Надеюсь, сработаемся.

Ответить подчиненные не успели, в кабинет вошли два полковника.

– Сидите, ребята, – бросил. Александр Федорович Абашин и пожал руку Ерожину. – Разрешите от нашего отдела поздравить тебя с назначением. Я твой должник по картинке Шагала, так что можешь обращаться с любой просьбой.

Ерожин знал на собственном опыте, что в отделе по борьбе с хищениями произведений искусства работают настоящие спецы и их помощь штука полезная.

– Спасибо, Саша. Рад тебя видеть.

– И от нашего экономического отдела прими сердечное «ура», – протянул руку полковник Шмаков: – Мы тоже доброе не забываем, и к нам – милости просим.

– Тебе после частного бюро легко не будет. Наше начальство только торопит да грызет, а раскошеляться не привыкло. Без поддержки друг друга – хреново, – добавил Абашин.

– Спасибо, мужики. Я на казенных харчах давно не жировал, но не забыл, что слишком сладкими они не бывают.

Петр Григорьевич улыбнулся, еще раз пожимая руки коллег, те явились с презентами. Абашин принес в подарок Ерожину шикарный настольный календарь с картинами художников авангарда, а Шмаков вручил подполковнику керамического кота с щелью между ушами:

– Откладывать станешь на черный день.

Все полезли в карманы и первые «капиталы» гулко зазвенели в пустом брюхе котикопилки. Подарок тут же установили на подоконник, и фетровая шляпа перекочевала с заварного чайника на его глиняную голову.

– Давайте, ребята, по местам. Будем считать, что торжественная часть закончена и начинаются рабочие будни. – Ерожин, проводив всех до дверей, Волкова придержал за локоток: – А ты, Тимофей, не уходи. Введешь в курс дел.

Майор Волков уселся рядом с новым начальником и раскрыл папку. Петр Григорьевич слушал, с трудом пытаясь сосредоточиться. Дел на нем повисло много, и в каждое предстояло вникнуть. Подполковник от такого масштаба отвык. Он у себя в бюро больше двух расследований в параллель обычно не вел. А теперь на него накатывался вал огромного города.

– Тут, Тимофей, за один присест не разберешься. Вы работайте, как работали, я постараюсь по ходу вникнуть. Дай мне немного времени. И еще у меня к тебе личная просьба. Узнай, пожалуйста, куда, скорее всего, из Шереметьева или других аэропортов, улетел Николай Иванович Грыжин, одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Место рождения – Новгород.

– Сработаем, – пообещал Волков.

Оставшись один, Ерожин попытался рассортировать бумаги. Предпринимателей убивали по заказу, приезжих уголовников – при разборках, а обычных горожан – в бытовых ссорах и по пьяни. Среди убитых часто попадались иностранцы. В Москве теперь обитало множество нелегалов из Китая, Вьетнама и других стран, немалая часть этого народа жила темным бизнесом. Так что на фото в криминальных отчетах попадались трупы с разным цветом кожи. Убийства разных людей сложно подогнать под определенную графу, но некоторая закономерность в этом мрачном списке прослеживалась.

Ерожин проглядел бумаги и задумался. Неприятно удивляло количество убийств с применением огнестрельного оружия. Когда он служил следователем в Новгороде, да и потом, в министерстве помощником замминистра, стреляли пореже. Теперь же гибли в перестрелках, как на войне. Уголовников Петр Григорьевич не жалел. Те знали, на что идут, выбирая для себя «сладкую жизнь». Но в перестрелках бандитов гибли нечаянные свидетели разборок или ни в чем не повинные прохожие. И это было грустно. Россия по сути превратилась в страну типа латиноамериканских республик, где выстрелы и убийства давно неотъемлемая часть быта. «Как быстро скатились! Почему это произошло? Неужели мы, русские, не цивилизованная, а полутуземная нация? – размышлял новый начальник отдела по раскрытию убийств. – Ладно, философия – не про нас. Наше дело убийц ловить», – решил Ерожин и пошел к начальству. Генерал Еремин принял его сразу.

– Ну, подполковник, о тебе мы наслышаны. Но здесь не частная контора. Приходится оглядываться на прокуратуру, считаться с прессой и вообще вертеться, чтобы нормально работать. Так что не создавай мне лишней головной боли. У меня и так ее до едрени Фени.

– Постараюсь, товарищ генерал.

– Да, уж постарайся. Еще мы наслышаны о твоём пристрастии к прекрасному полу. Не вздумай нанизывать на свой хер девок из управления.

– Мои донжуанские наклонности сильно преувеличены. Я женат, ращу двоих малышей и люблю жену, – серьезно возразил Ерожин.

– Вот и славненько. Не обижайся, подполковник, моя обязанность – предупредить. И еще. Волков держит в камере помощника депутата. Давят на меня из Думы. С этим разберись поскорее.

– Майор Волков работник опытный и зря человека не посадит.

– Пусть сидит, коль виноват, но ты проверь. Отложи другие дела и проверь. Это моя личная просьба. – Генерал внимательно посмотрел в стальные глаза нового подчиненного, пытаясь понять, дошли ли до того его слова в полной мере. И, решив, что, видимо, дошли, встал из-за стола: – Мне тебя вернуть на службу стоило немало крови. Учти это, Ерожин, и не подводи руководство.

– Я понимаю, товарищ генерал. Можно идти?

– Нет уж, погоди. – Еремин подошел к шкафу, достал бутылку виски и два бокала. – Давай символически. Я не каждый день ставлю нового начальника отдела. Надо уважать традицию. Мы же с тобой русаки.

– Спасибо, товарищ генерал.

– Что ты заладил: генерал, генерал. Не на параде. Меня зовут Афанасий Борисович, – сменив начальственный тон на человеческий, сообщил Еремин. Петр взял в руки бокал и, чокнувшись с начальством, залпом выпил.

– Спасибо, Афанасий Борисович.

– Будь здоров и работай, – ответил генерал и протянул Ерожину руку: – Приходи, если что. Поначалу легко не будет. И знай, с меня шкуру дерут и вам поблажки не будет. Работаем с людьми, которым платят гроши, а требуют совать башку под пули. От этого текучка кад-

ров, непрофессионализм и взятки. Но, как говорится, чем богаты... Дерьма в демократической Москве расплодилось, только поворачивайся, а жопу для битья подставлять нам...

– Не с неба свалился. Догадываюсь, – успокоил генерала Ерожин.

– Ну, с богом... И первым делом – моя просьба. – Уже направляясь к двери, Петр Григорьевич услышал: – Грыжину поклон. Я с его помощью молоко на губах сушил.

– Непременно передам, – ответил Петр Григорьевич и вышел в приемную. Секретарша Еремина Лиза проводила нового начальника отдела теплым заинтересованным взглядом. Приход на Петровку молоджавого подполковника с интригующей репутацией не остался незамеченным женской половиной управления.

Николай «умирал» вторую неделю. Он для этого не улетел в Африку на львиную охоту, не уплыл на Канарские острова, а по наводке врача из поликлиники Союза Высоких Технологий арендовал зимнюю дачу под Москвой. Недавно построенная на окраине писательского поселка Переделкино дача поражала своим масштабом. На первом этаже располагались гостиная с огромным камином, просторный, совмещенный с кухней холл и тридцатиметровая ванная с джакузи и контрастным душем. Второй этаж занимали три спальни, в одной из них, с видом на хвойный лес, Грыжин и обосновался.

В сумму аренды входила и оплата прислуги. Маленькая сухенькая Тоня каждый день появлялась в девять, кормила его завтраком, пылесосила ковры, подметала, вытирала пыль, готовила жильцу обед и в час дня уходила. Ее появление и исчезновение напоминали фокус. Тоня возникала словно из-под земли и так же нечувствительно растворялась. После часа Николай оставался в одиночестве. И хоть он с молчаливой Тоней ни разу в беседу не вступил, ее уход обреченного предпринимателя огорчал. Присутствие женщины все же скрашивало одиночество.

Бездельничать Николай Грыжин не умел, поэтому составил себе жесткое расписание и неукоснительно ему следовал. Вставал он в восемь, до завтрака быстрым шагом обходил рошу, большое запущенное поле и две дачные улицы. Потом принимал контрастный душ и брился. Глядя во время бритья на свою физиономию, с тревогой пытался обнаружить внешние признаки неизлечимой болезни. Но таковых не находил. Наоборот, его лицо от сельской жизни розовело, а щеки начали даже немного лосниться.

В девять тридцать Тоня подавала завтрак. На неоднократное предложение хозяина присоединиться к трапезе, женщина ртвечала одинаковой фразой: «Мы уже дома поили», что означало поели. Николай понял, что отказ принципиален и приглашать прислугу за стол перестал.

После завтрака он час смотрел телевизор. На крыше висела тарелка НТВ+, и жилец имел возможность пользоваться около пятидесяти каналов. Поначалу он старался некоторые избегать. Особенно раздражали его европейские новости, где каждый час давалась сводка деловой жизни планеты. О делах Грыжин старался не думать и смотрел в основном передачи о спорте, чаще всего наблюдая за теннисными турнирами. Для того чтобы болеть за теннисистов, надо разбираться в тонкостях этой только на первый взгляд простой игры. Николай сам неплохо играл, и соревнования по теннису его захватывали. Затем он пристрастился к каналу «Дискавери». Там часто показывали документальные исторические фильмы, уводившие мысли Грыжина от реальной жизни.

Перед обедом засидевшийся перед экраном молодой человек непременно отправлялся на большую прогулку. Она продолжалась часа два и всякий раз заканчивалась на старом переделкинском кладбище. Тут пешеход замедлял темп и с нездоровым интересом изучал надписи на памятниках. Его волновала продолжительность жизни покойных. Вычисляя годы от даты рождения до даты смерти, он пытался вывести формулу земного бытия. Но в переделкинской

земле лежали и девятистолетние старцы, и годовалые младенцы, поэтому никакой математической закономерности мыслящему бизнесмену обнаружить не удалось.

Экскурсовод, шустрая старушка, водившая группки любопытных на могилы известных писателей, давно отметила странного молодого человека и улыбалась Грыжину, как старому знакомому. В церковь Николай ни разу не зашел. Лик строгого Бога на Большой Никитской остался в памяти странным укором, и встретиться снова с этим ликом Николай почему-то остерегался.

Посетив кладбище, Грыжин возвращался на дачу. За прогулкой следовал обед. Тоня уже успевала исчезнуть, и арендатор разогревал себе еду в микро-волновке самостоятельно. Нелечимая болезнь пока не сказывалась на аппетите, пешие прогулки вызвали чувство здорового голода, и ел он много и с удовольствием.

Наступила осень, и день укорачивался. Вечерние часы становились для Грыжина самыми тягостными, когда время тянется нестерпимо медленно. И хоть он старался читать или опять усаживался за телевизор, но от загробных мыслей избавиться не мог. В постели молодой человек тосковал по дому, ребенку и жене. А потом он стал просыпаться от эротических снов. Образ обнаженной Маши и детали их последних интимных встреч преследовали затворника чуть ли ни каждую ночь. Но утром в силу вступал спасительный строгий режим, и о Маше он на время забывал.

Нынче с утра моросил дождик. Николай позавтракал и уселся за телевизор. В европейских новостях давали биржевые сводки. Сегодня Грыжин включил именно этот канал и жадно ловил деловую информацию. Цены на нефть опять подросли. За то время, что он затворничает в Переделкино, они поднялись на пять долларов за баррель. Контракт с немцами в связи с этим приносил огромную дополнительную прибыль. Молодой предприниматель принялся за подсчеты. Результаты настолько обрадовали бизнесмена, что он в первый раз за последние дни напроочь забыл о своей болезни. Дополнительный капитал позволял осуществить многое из его замыслов.

Однако внезапный порыв надолго не задержался. «Кому все это надо? Через месяц я превращусь в ходячего мертвеца, а через два меня зароят», – подумал он и вышел на террасу. Шел нудный частый дождь, создавая на глиняной почве Переделкино непроходимую скользкую грязь. Николай не учел осенних перемен, и уехал в кожаных ботинках. О прогулке в такой обуви нечего было и думать. Он послонялся по дому, в сотый раз оглядел себя в зеркало. Не заметив и сегодня признаков тяжелой болезни, подошел к телефону. Много дней молчавший аппарат угнетал Грыжина, и он старался его не замечать. Мобильный он отключил и оставил в московской квартире. Но сейчас подумал и набрал нужный номер.

– Валентин Аркадьевич, говорит Грыжин. Вы единственный человек, знающий мое место пребывания. Мне очень неловко, но я забыл осенние ботинки. По такой погоде гулять не в чем. Не будете ли вы столь любезны купить мне что-нибудь приличное сорок второго размера. Деньги сразу верну.

– Конечно, Коля. Вечером привезу. Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, если не считать тоски от безделья. Я хотел с вами поговорить об этом тоже. Если мне отпущено жить чуть подольше, здесь просто не выдержу.

– Я вас посмотрю, и мы подумаем, что делать, – ответил врач. – Ждите часов в восемь. Какой фирмы обувь вы предпочитаете?

– Обычно я ношу ботинки «Саламандера», но это не принципиально.

Возможность пообщаться с живым человеком подняла настроение Николаю. Он и без прогулки с аппетитом пообедал и стал думать, чем угостить визитера. Но доктор в восемь не приехал. Не приехал он и позже. Грыжин, привыкший иметь дело с обязательными людьми, не мог поверить, что его обманули. Николай плохо спал, несколько раз за ночь поднимался и сидел в кресле. С трудом дождавшись девяти утра, затворник снова позвонил в поликлинику.

– Валентина Аркадьевича нет, – ответили в трубке.

– А когда он будет?

– Не могу сказать. Доктор Крапивников не вышел на работу. Возможно, заболел. Запишитесь к Малецкой. Юлия Андреевна взяла его прием.

– А с кем я говорю? – поинтересовался Грыжин.

– С дежурной сестрой Новиковой.

– А могу я поговорить с Маргулиной?

– Светлана Маргулина на работу сегодня тоже не вышла.

Николай поблагодарил и положил трубку. Болезнь врача объясняла его вчерашнее отсутствие. «Что же, и доктора болеют. Позвоню через день-другой. В моем положении время большого значения не имеет», – решил он и подошел к окну.

Газон вокруг дачи из зеленого стал белым. Ночью выпал первый снежок.

– Надюха, ты?! – обрадовался Ерожин, услышав в трубке голос супруги. – Откуда мой служебный телефон знаешь?

– Глупенький, у меня же в книжке номер Никиты Васильевича. Если ты занял его место, то и телефон вычислить нетрудно. Тем более жене сыщика...

Разговор с Надей приятно отвлек подполковника, и он минуты три просидел с блаженной улыбкой. Но долго расслабляться начальник отдела по раскрытию убийств позволить себе не мог. Генерал Грыжин оказался прав. На казенной работе прохлаждаться не приходилось.

Вернувшись от высокого начальства, он вынул из груды текущих дел папку номер двадцать семь. В ней хранились акты и заключения всевозможных экспертиз, фотографии и справки. Согнав с лица блаженную улыбку, вызванную телефонным звонком из Самары, Ерожин снова углубился в бумаги. Это были документы, собранные следователем Волковым по делу об убийстве Марины Строковой. Подозреваемый в убийстве задержан, и именно из-за него генерал Еремин просил нового начальника отдела вникнуть в детали следствия. По сухим казенным отчетам опытный глаз подполковника без труда выудил главное, и он смог представить себе порядок событий.

Девушку нашли мертвой в квартире, которую она снимала. Нашла квартирная хозяйка; по заключению медэксперта, Строкова пролежала с пробитым черепом не меньше недели. В квартире явно что-то искали. Содержимое шкафов валялось на полу. Среди вещей было много дорогих и новых, но преступник на них не позарился. Не заинтересовали его даже золотая цепочка, кулон с дорогим камнем и часики с бриллиантами. Поэтому версия ограбления отпала.

Двадцатишестилетняя красавица приехала в Москву из Перми, Зачем – можно было лишь догадываться. В институт Строкова не поступала и на работу устраиваться не стала. Но квартиру сняла в центре города и, судя по ее гардеробу (список нарядов имелся в акте осмотра места происшествия), в средствах себя не стесняла. Родителей Марины богачами назвать никак нельзя. Отец – военный в отставке, мать – администратор дома офицеров. Пенсия подполковника и зарплата администратора позволяли семье сводить концы с концами, но обеспечивать дочке шикарную жизнь в столице не могли.

При осмотре квартиры в одном из нарядов убитой криминалист обнаружил визитку депутата Государственной Думы. Тимофей Волков, понимая, что с подобными персонами надо обращаться осторожно, провел большую работу и выяснил, что сам депутат в момент предполагаемого убийства находился в заграничной поездке и имеет стопроцентное алиби. Но Тимофей догадывался, что такой человек своих рук пачкать не станет, и занялся его окружением. Один из помощников депутата вызвал у следователя подозрение. Этим человеком оказался Влад Колесников. Влад Амбросьевич вел широкий образ жизни и имел связи в уголовном мире.

В доме, где снимала квартиру убитая, дежурила лифтерша. По фотографиям она сразу узнала и депутата, и его помощника. Народный избранник навещал Марину часто, а Колесников – всего несколько раз. Но именно Влад посетил Марину за неделю до того, как ее обнаружила квартирная хозяйка. А депутат, как следовало из документов, в это время путешествовал за рубежом. Волков получил ордер на арест и обыск. В прихожей Колесникова нашли ботинки, наследившие на ковре в квартире убитой. А в ее квартире – множество его «пальчиков». Подозреваемого взяли.

Согласно протоколам допросов, Влад Амбросьевич все отрицал. В своих сентенциях он напирал на то, что у него не было никаких причин убивать девушку. Он заявлял, что навестил Строкову по ее же просьбе, и обвинение в убийстве категорически отметал. Связь депутата с Мариной Колесников объяснял логично. Будучи родом из Перми, народный избранник знал отца Марины, и когда дочка знакомого перебралась в Москву, по-отечески принимал участие в ее судьбе. Ознакомившись с делом, Петр Григорьевич вызвал Волкова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.